События на Лене

в документах

ПАРТИЗДАТ • 1932

ДБ
400
С 55

No. 27.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАРХИВ

МАССОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ДБ
400
С55

9 (47)
6-55

СОБЫТИЯ НА ЛЕНЕ

В ДОКУМЕНТАХ

ПОДГОТОВИЛА К ПЕЧАТИ
В. Ф. ВЛАДИМИРОВА

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
179001

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1932

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Марксистско-ленинская теория выковалась и продолжает развиваться на основе конкретного изучения явлений общественной жизни. Богатейшим источником ее является история революционного движения, которая не мыслится вне изучения живой действительности и вне изучения документов. Язык фактов — самый убедительный. Есть документы, которые говорят ярче любого исторического изложения.

Выпуская данную брошюру, Центрархив ею начинает издание серии популярных брошюр, рисующих в документах тот или иной этап революционной борьбы. Задачей серии является приблизить документ к широким рабочим массам, восстановить картину классовой борьбы на основании докладов, постановлений и переписки различных учреждений и официальных лиц, а также показаний и воспоминаний непосредственных участников событий, чтобы на этом материале познакомить широкие трудящиеся массы с героической борьбой русского пролетариата.

В предлагаемой брошюре собрано то, что рисует положение ленских рабочих, их стачку, зверскую расправу с ними самодержавия и бурю рабочего негодования, вызванную ленским расстрелом. Документы большею частью приведены не полностью, а в извлечениях. Опущены те места, которые или являются повторением или малоинтересны.

Большинство приводимых документов были опубликованы в различных изданиях («Ленское»; «9 января»; «4 апреля 1912 года», изд. Бодайбинского районного комитета РКП (б); «Правда о ленских событиях», изд. 1913 года; «Ленские события 1912 года», изд. Центрархива и другие работы). Издания эти являются библиографической редкостью и недоступны массовому читателю.

Выдержки из воспоминаний председателя стачечного бюро т. Баташева и старосты барака т. Кудряшева (еще не опубликованных) печатаются с разрешения авторов. Впервые даются также портреты председателей центрального стачечного бюро, а из документов — инструкция старостам и некоторые другие.

ВВЕДЕНИЕ.

4 апреля 1912 г. царское правительство расстреляло мирную демонстрацию ленских рабочих, которые шли безоружные протестовать против ареста своих выборных.

Расстрел забастовавших ленских горняков дорого обошелся самодержавию. «Ленский расстрел явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс» [1].

Под руководством партии большевиков, протестуя против кровавого злодеяния, поднялся весь русский пролетариат. Послеленский подъем рабочего движения дал за один только 1912 г. $1^1/_2$ миллиона бастующих, тогда как за четыре предыдущих года (1908—1911 гг.) количество бастовавших не достигало и 400 тыс.

Революционный подъем продолжался 1913 и 1914 гг., и лишь империалистическая война временно отсрочила революцию, которая в 1917 г. снесла помещичье-капиталистический строй и создала первую в мире социалистическую республику.

Говоря о развитии русской революции, т. Сталин пишет: «Мы имели прилив в 1905 г. Мы имели потом отлив, длившийся целый ряд лет (1907—1912 гг.). Мы имели дальше новый прилив, открывшийся ленскими событиями (1912 г.), сменившийся потом новым отливом во время войны. 1917 г. (февраль) открыл новый прилив, увенчавшийся победой» [2].

Буржуазно-демократическая революция неизбежно должна была перерасти в революцию против капитализма, в революцию социалистическую, ибо «кто свергал царизм, тот должен был свергнуть и империализм» [3]. И если царизм являлся оплотом мировой реакции, то русское революционное движение было очагом мировой революции. В этом смысле ленские события, послужившие поводом к дальнейшему развитию русской революции, являются прологом и к мировому Октябрю.

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 534.
[2] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1931 г., стр. 134.
[3] Там же, стр. 10.

На ленских золотых приисках мы имели яркий пример переплетения интересов иностранного капитала, русской буржуазии и царизма. Главными хозяевами их были английские капиталисты, совладельцами были государственный банк, царское семейство, министры и крупные русские капиталисты.

Все они были одинаково заинтересованы в получении барышей, которые временами доходили до 56%. Поэтому нищета, порабощение и зверская эксплоатация рабочих не имели здесь границ. И когда вспыхнула стачка,— весь государственный аппарат (министры, губернатор Бантыш, жандармерия, суд, горный надзор) и администрация приисков — все действовали единодушно. Арестами, выселением из казарм в тайгу «по суду», лишением продовольствия, провокацией, расстрелом они стремились сорвать стачку, при помощи которой ленские рабочие хотели смягчить условия своего рабства.

Условия, в которых работали ленские горняки, были чрезвычайно тяжкими. Попадая в Ленский край, рабочий был отрезан от всего мира; 1 700 верст непроходимой тайги отделяли его от железной дороги.

Рабочий день длился с 5 час. утра до 7 час. вечера, не считая времени на ходьбу: бараки находились иногда за 10 верст от работы. Летом полагалось два дня отдыха в месяц, но и это не соблюдалось. Скудный продовольственный паек выдавался в счет зарплаты по дорогим ценам из приискового амбара. Заработная плата на руки не выдавалась; в счет ее давалось лишь от 3 до 7 руб. в месяц. Весь заработок администрация по договору обязана была выплачивать раз в год, осенью. Но это обязательство не исполнялось, и задолженность «Лензото» [1] рабочим была огромна.

Жены и дети рабочих, приезжая на прииски, попадали в крепостную зависимость, так как по договору семья горняков обязана была выполнять все работы, на какие бы ни вздумала послать ее администрация. Непокорным грозило выселение в безлюдную тайгу. Условия работы, продовольствия и жизни в бараках порождали среди рабочих и их семейств огромную смертность и массовую цынгу.

Совсем иные условия труда сейчас в советском социалистическом государстве, когда фабрики, заводы, рудники принадлежат рабочему классу. Ленские горняки имеют 6-часовой рабочий день, ежегодный месячный отпуск и 5—6 дней отдыха каждый месяц.

Но двадцать лет назад рабочие жили в условиях капиталистической кабалы. Эта зверская эксплоатация и вызвала забастовку на Ленских приисках, вспыхнувшую 28 февраля 1912 г.

---

[1] Сокращенное название управления Ленских золотых приисков.

Началась она стихийно, но в течение 4 дней охватила все прииски на огромном районе и стала всеобщей.

Забастовавшие прииски выдвинули из своей среды выборных для переговоров с администрацией. По инициативе выборных Надеждинского прииска 3 марта все выборные съехались туда, и здесь было создано центральное стачечное бюро, которое и руководило забастовкой.

Среди выборных руководящую роль играли квалифицированные рабочие; некоторые из них прошли школу революционной борьбы 1905 г., сидели в тюрьмах, отбывали каторгу [1]. Определенного партийного лица они не имели (за исключением отдельных товарищей), но в своем руководстве стачкой они в основном проводили большевистские традиции, привитые партией рабочему классу в годы революции.

Они создали стройную и гибкую организацию, которая сплотила в одно целое всю восьмитысячную массу ленских рабочих. Их центральное бюро было боевым штабом, пользовавшимся неограниченным авторитетом среди бастующих, и по его призыву ленские рабочие, как один, выходили в нужный момент на демонстрации.

Когда после расстрела явилась на прииски ревизия Манухина, все рабочие по призыву центрального бюро стали на работу; через 12 дней так же организованно рабочие вновь забастовали.

Все старания администрации, губернских властей, полиции внести разлад между рабочими и выборными, сорвать стачку штрейкбрехерством и провокацией разбились о классовую стойкость и организованность ленских рабочих. Под руководством стачечного актива ленские рабочие проявили чудеса дисциплинированности и героизма.

Уроки 1905 г. не прошли даром для ленских рабочих: у них не было веры ни в царя, ни в попов, ни в чиновников. Даже меньшевистские адвокаты, приехавшие после расстрела на прииски, во главе с Керенским — верным слугой буржуазии, не смогли спровоцировать срыв стачки. Попытки «приискового Гапона» — окружного инженера Тульчинского, уговорами и ложными обещаниями сорвать забастовку встретили со стороны рабочих суровый отпор. Также безрезультатны были потуги некоторых местных ссыльных меньшевиков (Думпэ, Розенберг) овладеть движением и сорвать стачку.

Но вместе с тем руководство центрального бюро совершило и ряд ошибок.

---

[1] П. Н. Баташев (председатель центрального стачечного бюро) — рабочий-слесарь, неоднократно сидевший в тюрьмах за участие в забастовках.

Г. В. Черепахин (второй председатель центрального стачечного бюро) — отбыл каторгу за участие в вооруженном восстании 1905 года, работал на приисках забойщиком, потом кочегаром, живя нелегально.

Члены центрального бюро искренно верили, что легальными и экономическими методами борьбы они смогут чего-то добиться.

Они не сумели мобилизовать массы вокруг партии большевиков, не пытались сорганизовать большевистскую группу на приисках. Руководство стачкой находилось в руках большевистски настроенных выборных, но отсутствие организационной спайки между ними сказывалось например в таком факте. Отдельные выборные, бывая по поручению стачкома в Бодайбо, подпадали под влияние местной эсеро-меньшевистской колонии, и по их настоянию телеграммы о стачке и расстреле посылались не только на имя фракции социал-демократической государственной думы, но и поименно лидерам кадетов. Это делалось, видимо, для доказательства своей «политической нейтральности», но было грубой политической ошибкой, потому что давало повод буржуазной прессе, печатая эти телеграммы, сеять иллюзии среди отсталых слоев рабочего класса, будто партия кадетов, партия контрреволюционной буржуазии, может быть в какой бы то ни было мере защитницей рабочего класса.

Эти ошибки объясняются оторванностью от большевистской партии, от рабочих центров, отсутствием на приисках и в Бодайбо большевистской группы и слабым политическим развитием руководителей. Но делать вывод из этих ошибок, что руководство стачкой было меньшевистским, было бы в корне неправильно [1]. Позднее, в годы гражданской войны, почти все руководители стачки боролись как члены коммунистической партии на боевых постах, многие погибли (например т. Петухов, расстрелянный как командир партизанского отряда коммунаров); оставшиеся в живых продолжают и сейчас активно работать в рядах ВКП(б).

Хищники международного капитала вместе с царизмом пытались сорвать стачку ленских горняков расстрелом. Однако это им не удалось,— и здесь ленские рабочие проявили большую классовую стойкость. Они продолжали забастовку, усилив свои требования, требуя освобождения арестованных и наказания «виновников расстрела».

Испугавшись «бури рабочего негодования», самодержавие послало на прииски комиссию во главе с сенатором Манухиным, якобы для расследования причин забастовки и выяснения

[1] Распространению в исторической литературе подобного мнения способствовало то, что кроме воспоминаний Думпэ (меньшевика) до сих пор не было опубликовано ни одного воспоминания действительного, а не фиктивного руководителя забастовки. Воспоминания же Думпэ являются в значительной мере вымыслом, так как ни выборным, ни председателем стачкома он никогда не был. Не был он и членом „тайного совета", которого вообще в природе не существовало (см. стенограммы воспоминаний Г. Черепахина, Баташова, Подзахотникова, Лебедева и др. Комакадемия, 1932 г.).

виновников расстрела, умалчивая о себе как главном виновнике, ибо расстрел был заранее решен в Петербурге.

В действительности комиссия Манухина имела целью замазать следы преступления и сорвать стачку.

Приехав на прииски, сенатор Манухин предъявил рабочим ультимативное требование — встать на работу, мотивируя тем, что только тогда он сможет выяснить условия их работы. На самом же деле он рассчитывал, что, раз встав на работу, рабочие не смогут вновь забастовать.

Этой сенаторской провокации помогала группа меньшевистско-эсеровских адвокатов, приехавших из Петербурга и Иркутска на прииски. На всех собраниях они усиленно призывали рабочих встать на работу.

Стачечное бюро приняло вызов из тактических соображений; оно хотело еще раз показать всем ленским рабочим, что можно ждать рабочему классу от царских чиновников. По призыву стачкома рабочие вышли на работу и по его же призыву вновь ее бросили.

Указывая в своих резолюциях, что комиссия Манухина ничего не расследовала и нисколько не помогла рабочим, собрания бастующих требовали, чтобы их вывезли с приисков. Администрация вынуждена была выполнить требования рабочих. Протестуя против кровавого третьеиюньского режима, ленские рабочие демонстративно покинули прииски с женами и детьми.

Пролетариат всей России ответил на расстрел мобилизацией рабочего класса вокруг партии большевиков.

По ее призыву прокатилась волна мощных рабочих демонстраций и забастовок протеста. Рабочий класс воспрянул после разгрома революции 1905 г., открылась новая страница его героической борьбы за социализм.

В. В.

I. Хозяева Ленских приисков.

Ленские золотые прииски были ярким примером того, как «интересы царизма и западного империализма сплетались между собой и сливались в конце концов в единый клубок интересов империализма» [1]. *И отсюда ясно, что всякая борьба рабочих против зверской эксплоатации «Лензото» била одинаково и английских империалистов и царскую свору. Поэтому при подавлении стачки рабочих и в Ленском расстреле центральные власти (министры, жандармы и пр.) действовали с «Лензото» в полном единодушии.*

Из протокола допроса члена правления «Лензото» и директора Государственного банка Н. И. Бояновского от 11 мая 1912 г.

...Когда дела Ленского товарищества пришли в порядок, Государственный банк, признавая ненормальным ведение предприятия товарищества исключительно на банковые средства, стал настойчиво с 1907 г. рекомендовать товариществу искать частный кредит. Первоначально все попытки в этом отношении Альфреда Гинцбурга не имели успеха, так как и русские, и заграничные капиталисты не верили в золотопромышленность. Наконец в 1908 г. поиски Гинцбурга увенчались успехом, и в Лондоне образовано было общество «Лена-Гольдфильдс», поставившее себе целью финансирование Ленского товарищества. В это общество вошли английские капиталисты и группа русских акционеров товарищества во главе с баронами Гинцбургами. Для получения средств «Лена-Гольдфильдс» («Ленские прииски») выпустило шеры стоимостью в один фунт стерлингов... начиная с операции 1909—1910 гг., «Лензото» полу-

[1] И. В. Сталин, Об основах ленинизма, стр. 10, изд. 1931 г.

чало средства на ведение дела почти исключительно от английского общества...

...С переходом до трех четвертей акций товарищества в собственность общества «Лена-Гольдфильдс» последнее приобрело на дела Ленского товарищества преобладающее влияние, так как представитель английского общества в акционерных собраниях товарищества, владея большинством голосов, мог все вопросы разрешать единолично, совершенно не считаясь с русскими акционерами. Само собою разумеется, что и выборы членов правления оказались в полной зависимости от английского общества... шеры сделались излюбленной бумагой для спекуляции, причем в прошлом году выяснилось, что шеры, имевшие первоначальное обращение только в Лондоне и Париже, в значительном количестве передвинулись в С.-Петербург, почему помимо Лондонского правления в С.-Петербурге учрежден был комитет «Лена-Гольдфильдс» в составе В. И. Тимирязева (бывш. министра торговли и промышленности), А.И. Путилова и А. И. Вышнеградского...

...Невзирая на то, что на ленском предприятии «Лена-Гольдфильдс» нажило много миллионов, стоимость шеров возросла с 10 до 40 руб. и доходила, кажется, до 60 руб., держатели акций стараются выжать из дела как можно больше и как можно скорее, благодаря им же за операцию 1909—1910 гг. выдан несообразно большой дивиденд в 56%...

Из протокола допроса сенатором Манухиным Майша, чиновника особых поручений при иркутском губернаторе.

...В первый день моего прибытия на прииски ротмистр Трещенков высказал мне целый ряд суждений. Так он спросил, неужели губернатор может быть огорчен происшедшим, и на мой утвердительный ответ заметил: «Неужели губернатор не знает, что акционерами Ленского товарищества состоят граф Витте, министр Тимашев и даже государыня императрица Мария Федоровна?..

Служащих подкупали и заинтересовывали в эксплоатации рабочих.

Из протокола допроса нотариуса Свириденко от 6 июня 1912 г.

...Почти все служащие «Лензото», а также мировой судья Хитун, не говоря уже о таких, как Теппан, Цимберг и др., являются владельцами шер.

На шеры среди служащих «Лензото» тратятся громадные суммы и выигрывают значительные деньги. Характерно, что, насколько я знаю, никто из служащих «Лензото» ни разу на

шерах не проиграл, частные же лица — обыватели Бодайбо — часто на них теряли.

Судьи, полиция, солдаты, полицейские, урядники содержались за счет «Лензото».

Из доклада иркутского губернатора.

...«Лензото» поит, кормит, учит, лечит, казнит и милует тысячи людей. Почти исключительно «Лензото» дает деньги и на содержание правительственных чиновников... Стоит только тому или другому правительственному чиновнику перестать поддерживать отношение с «Лензото», и его возьмут измором: ото плением, электричеством и т. п.

II. Положение рабочих на приисках.

Рабочие на Лене жили в условиях полуколониальной эксплоатации.

Договор найма рабочих «Лензото» на 1911—1912 гг.

...Мы, рабочие, нанялись на промыслы означенного товарищества, находящиеся в Витимском и Олекминском горных округах, сроком со дня назначения и выхода каждого из нас на работу впредь по 10 сентября 19.. года.

К этому времени на $2^1/_2$ месяца прекращалось всякое сообщение Ленского края с внешним миром. И рабочий попадал в ловушку, так как выехать с приисков он не мог.

...Рабочий день должен заключать в себе: с 1 апреля по 1 октября $11^1/_2$ рабочих часов, а с 1 октября по 1 апреля — 11 часов; обеденный перерыв, назначаемый по усмотрению управления, в число этих часов не входит. При работах на две смены назначение нас в денную или ночную смены зависит вполне от управления, число рабочих часов ночной смены не должно превышать десяти. В случае надобности управление может назначить три восьмичасовых смены, и тогда мы обязуемся работать без перерыва для отдыха всю смену, т. е. восемь часов. Работающие при золотопромывальной машине, именно: галетники, люковщики, мазилки, плотники и промывальщики, обязаны оставаться при съемке золота и после обеденного и вечернего звонков или свистков до окончания съемки.

В действительности рабочий день начинался с 5 часов утра и кончался в 7 часов вечера.

...В зимнее время, т. е. в период с 1 октября по 1 апреля, нам полагаются отдыхи, указанные в законе; в летнее же время, с 1 апреля по 1 октября, отдыхи даются нам по усмотре-

нию управления два раза в месяц — общий или артелями. Расписание как зимних, так и летних отдыхов объявляется нам управлением, и мы обязуемся ему подчиняться, ни в каком случае не позволяя себе устраивать отдыхи самовольно.

Таким образом отпусков не полагалось, а летом было лишь два дня отдыха в месяц.

...Управление производит нам один раз в месяц в назначенный им же день, в счет нашего заработка, сообразуясь с последним, отпуск необходимых нам товаров и припасов по ценам, утверждённым окружным инженером, а также выдачу деньгами в размере по усмотрению приискового управления. Полная доплата деньгами всей следующей нам по расчету суммы должна производиться не ранее как по окончании срока этого договора.

Поэтому заработок полностью каждый месяц не выдавался, а в счет его давали от 5 до 7 руб.

...На прииски мы должны, нанявшись на работу, являться одни, семьи свои можем приводить не иначе, как получив на то письменное разрешение управления, и в последнем случае пришедших с нами женщин и подростков обязуемся, по требованию управления, посылать на работу, отказываться от которой прибывшие с нами члены семьи не в праве, в противном случае подлежат удалению с приисков. В случае несогласия со стороны мужа (отца или брата) на удаление семьи с прииска по предложению управления управление в праве рассчитать рабочего как нарушившего контракт.

На основании этого пункта женщины и дети попадали в крепостное рабство.

Ленские рабочие о своем положении под гнетом капитализма.

Докладная записка рабочих Андреевского прииска сенатору Манухину от 9 июня 1912 г.

I. Товарищество должно было согласно договору доставлять нам доброкачественные продукты, которых в тайге помимо приисковой лавки достать почти нельзя, особенно при условии задержки товариществом денег; провизия нам доставлялась недоброкачественная: мясо часто доставлялось несвежее, синевато-черное, обрезки, с нарывами; часто рабочие на это указывали служащим, выдающим мясо, но те говорили: «Не хочешь — не бери и уходи без мяса», и книжки обратно

выбрасывались, при этом заставляли брать в очередь коровьи головы с вынутыми языками, были случаи, что в мясе выдавали половые члены, что удостоверено протоколом полицейского урядника. Хлеб нам давался из непросеянной муки с различными примесями (мочалой, щепками, соломой и другими посторонними предметами), капуста давалась в малом количестве, фунта 2—3 на неделю, и бывало, что капуста совсем не выдавалась недели по 3—4, причем в первую очередь давалась служащим, а потом уже нам, конечно выборки. Обо всем этом не раз говорили мы на артельной кухне, где выдают продовольствие. Картошка была у нас тоже в редкость, причем порченая и мерзлая. Рыбу выдавали невозможную...

При отпуске продуктов из магазина вес давался не чистый, а с мешком, так что мы получали меньше веса, а в счет ставилось полностью. Масло было плохое, пестрое с плохим запахом. Кроме амбаров имеются у нас магазины. В них продаются те же продукты, кроме того мануфактура, галантерея, бакалея и другие товары в большом выборе. Из магазинов продажа по вольным ценам. Из амбаров нам выдавали неохотно, часто говорилось, что в амбаре такого товара нет, и посылали покупать в магазин по более дорогой цене; например в амбаре сапоги 11 р. 75 к. 14-вершковые, а в магазине 12 р. 50 к., табак 45 коп. за четверть фунта, а в магазине 49 коп. и т. д. Для покупки из магазина приходилось брать талоны, которые записывались в расчетную книжку. По талонам следовательно приходилось не только принудительно брать те же предметы, которые имеются в амбарах, за более дорогую цену, но кроме того приходилось покупать то, что было не нужно, потому что сдачи деньгами совсем не выдавали, иногда сдавали талоны на остаток. Вследствие всего этого наш заработок уменьшался. Цены на товары в частных лавках дешевле, но покупать в них мы не можем, так как не выдают денег. Кроме того управление мешало нам в покупке товаров у посторонних торговцев, выселяя ходячих торговцев с приисков и не позволяя ходить к лавочникам.

II. Заработная плата, как всегда, удерживалась, деньгами выдавалось мало, и когда нужно было получить их на уплату долгов и покупку необходимого, то нам выдавали талоны, которые нам приходилось продавать с уступкой. Уплата талонами является нарушением закона и договора; при посылке денег родным контора денег в руки не выдавала, а переводила сама, причем не точно тогда, когда выдавали квитанцию, а с большим опозданием даже при телеграфных отправлениях.

Кроме того наш заработок вследствие неправильного подсчета отрядных работ при невыработке урока писался меньше поденного или уравнивался с хорошей выработкой, следовательно плохая выработка ставилась в вину рабочему и за его счет уравнивалась в другие дни. За подкатку тоже не подсчи-

тывалось, хотя подкатка часто превышала 40 сажен. При подсчете служащие могут лишь вычислять по прямой линии, всякие углы и углубления в подсчетах идут приблизительно. В шахтах подсчеты ведутся на глазомер, рулетки прикладывали до огнива (потолочной крепи), а огниво само от 4 до 6 вершков. Кроме того бывают навалы, за откатку которых не подсчитывали.

III. При работе в мокрых забоях снабжались плохими кожаными шароварами и кожанами и не всегда; шляп тоже не выдавалось; сапоги должны были тоже выдаваться, но их не выдавали, обещали подсчитать 18 коп. в день, но этого не сделали.

IV. При работах не исполнялись правила для работ в шахтах. Освещение было слабое: на спуск в шахту было 2 лампочки на 17—18 сажен, а часто и совсем не было, приходилось спускаться в темноте, — лестницы не глухие, а стремянки, упасть с которых было легко; инструмента в бадьях не спускали, приходилось спускаться с инструментом в руках, с опасностью ранить себя или товарища. Провода электрические ничем не защищены, то и дело можно получить удар. В штольнях тоже плохое освещение, выката сломаны и пробиты часто тачками, и когда штольни наполнены дымом от взрыва динамита и в штольнях канавы не закрыты, часто туда падают. Динамит плохой, от которого головные боли и тошнота, от пожогов часто бывает угар; заливают их перед самым приходом на работу, от этого иногда приходилось вытаскивать угоревших. Вентиляция отсутствует...

V. При шахтах нет раздевалки, так что в зимнее время при мокрых работах рабочие в мокрой одежде идут 1—$1^1/_2$ версты при 40°, а часто и свыше, мороза, причем вся одежда обледеневает так, что приходится часа полтора самому оттаивать в казарме. В шахте нет кипяченой воды, приходится пить почвенную воду.

VI. Помещения не соответствовали обязательным постановлениям: нет разделения казарм на холостых и семейных, не было сушилен, приходилось сушить над плитами для пищи. Плиты находятся посреди казарм; стены промерзают; пол щелистый, дует; потолок одинарный, земля сыплется; сырость; холод, когда не топится плита; рамы одинарные; стекла поломанные. В жилое помещение вход прямо с улицы без сеней, кладовые при казармах хотя и есть, но так малы, что хватают на 10—15 человек, тогда как в казармах живет по 30—40 человек взрослых; вентиляция устроена в виде сквозных дыр в стенах, закрываются эти дыры тряпками, которые зимой замерзают. Сушилок в казармах нет. Прачечная хотя и есть, но в нее приходится ходить на другой конец стана, да и мест в ней мало. Отхожие места были без дверей и запора, разделения на муж-

ские и женские не было. Кузница от работ находится далеко. Баня для рабочих плохая, отстоящая от казарм около 2 верст.

VII. По закону и договору мы должны были пользоваться бесплатной медицинской помощью, но таковой часто не получали, так как нехватало коек, лекарств, врачей было мало, больных часто выписывали до выздоровления по недостатку мест, пищевое довольствие было очень скудное, центральная больница отстоит от казарм в $2^1/_2$ верстах.

VIII. Администрация злоупотребляла своим правом требовать женщин на работу, отрывая их от детей, хозяйства, заставляя их работать, несмотря на состояние их здоровья. Женщины часто жаловались на грубое обращение служащих и гнусные приставания.

IX. Рабочие штрафовались по придирке служащих, причем штрафы записывались льготными днями.

X. Подростков заставляли работать по 10 и 12 часов и ночью наравне со взрослыми, а платили по уменьшенной плате.

XI. По правилам внутреннего распорядка работа должна была производиться 11 часов в день, но благодаря требованию администрации приходилось выходить на раскомандировку за час до свистка, так что мы находились уже в шахте или на работе во время первого свистка, между тем как по закону время спуска в шахты считается рабочим временем; при неявке на раскомандировку, т. е. позднее 5 часов утра или дня, к работе рабочие не допускались, день писался льготным и заменялся праздничным днем с лишением полуторного вознаграждения. В праздники рабочие вызывались на работу принудительно без всякого их спроса подачей свистка. За невыход на работу в праздники бывали переводы из шахты на поторжную работу, лишали рабочего его половинки или же посылали по разным укладкам. Сверхурочные работы (вечеровки) назначались без спроса рабочих, часто продолжались 2—3 часа в день, причем иногда не оплачивались.

XII. Администрация относилась крайне грубо к рабочим, ругань была самая отборная, были случаи драки, нигде нельзя было найти управы...

Мы живем здесь отрезанные от всего мира, особенно за время с осени по весну, в это время мы находимся в полной зависимости от приисковой администрации, управление имеет все средства держать нас в полном своем подчинении и полной кабале. Хотя мы работаем по срочному найму и, казалось бы, обеспечены постоянным заработком до срока и защищены законом от притеснения, но это совершенно не верно. Во-первых, наш договор заключен с тем условием, что мы обязуемся выходить на всякую работу без возражения, этим правом товарищество пользуется широко. При малейшем нерасположении нас переводят с одной работы на другую, работу с меньшим

вознаграждением, горняков ставят на починку дорог, проведение канав и т. д., не считаясь с зимой, с теми обстоятельствами, что зимой у горняка нет теплой одежды для наружной работы. Кроме того нас рассчитывают за каждую мелочь по ст. 105 устава о промышленности, и мы зимой остаемся без работы и без денег в тайге, далеко от всякого жилья. Опасение попасть в немилость к какому-либо становому, старшему или нарядчику лишает нас всякой возможности оказывать сопротивление в пределах законной защиты своих прав. Принудительный труд женщин и подростков объясняется также ужасом остаться без гроша денег с семьей в тайге зимой. Что мы и жены наши переживаем благодаря этому принудительному труду, можно узнать из частных расспросов женщин. Нам некуда было итти жаловаться, — всякий наш шаг известен администрации, и всякая жалоба может повести к наказаниям в том или другом виде. Безмолвно должны мы молчать при всех нарушениях закона, не находя нигде защиты. Мы питались отвратительно, и на все замечания нам отвечали угрозами расчета...

Только смертность наших детей говорит о тяжелых условиях нашей жизни. Работа в шахтах в мерзлоте, при плохом освещении, в мокрых местах губительно действует на наше здоровье. Вот почему мы и выставили восьмичасовой рабочий день как наше требование наравне с остальными требованиями, заявленными нами приисковой администрации...

Товарищество всегда ставит рабочих в такое положение, что рабочие покупать у посторонних торговцев не могут из страха быть уволенными...

Заявление сенатору Манухину от выборных Феодосиевского прииска от 9 июня 1912 г.

...В отношении пищи к рабочим применялась излюбленная в здешних местах поговорка: «Приискатель не свинья — все съест»...

Вообще рабочие воду получают очень скверную.

Рабочие должны пользоваться ключом «Загалдын», у которого были расположены отхожие места и в который стекают нечистоты, а служащим привозят вполне пригодную воду из Гачинского ключа. Раньше и рабочим возили воду, а теперь приходится брать самим и притом из загрязненного ключа «Загалдын». В шахты воду не подвозят, и работающие в шахтах пьют подземную воду, весьма вредную для здоровья в силу особенностей местной почвы...

Баня одна, расположена она от некоторых казарм версты за две, так что многим далеко ходить. Отапливается она неудовлетворительно. Бывали случаи, когда зимою вода замерзала. Вместимость бани на 70 человек, а в два дня, которые

даются в месяц на баню, должны вымыться $2^1/_2$ тыс. человек, причем полдня отводится для женщин, для мужчин же остается полтора дня. Таким образом многие лишены возможности пользоваться баней и подолгу вовсе не моются.

Освещение не полагается. Казармы освещаются на счет рабочих, даже коридоры не освещены.

Рабочие должны выходить на работу в 6 часов утра, а заставляли выходить в 5 часов и даже раньше, когда и производилась раскомандировка. Принуждение состояло в том, что кто опоздает к 5 часам, того или прогоняли, или засчитывали этот день как прогул, или посылали на худшую работу. При этом ходьба до шахт не засчитывалась. Кончали работу вместо 6 часов вечера в 7 часов. Таким образом при обеденном перерыве в 2 часа рабочий день удлинялся до 12 часов.

Денной урок установлен в 4 кубических аршина, что выработать трудно, даже невозможно. В механической мастерской задавали непосильные уроки. Если какой-нибудь рабочий почему бы то ни было не нравился, то ему задавался такой урок, исполнить который не было никакой возможности, а в то же время за неисполнение такого урока отсылали мастерового на черные работы.

Табели работ не ведется, вследствие чего рабочему при расчете невозможно доказать неподсчитанную работу. В особенности часто не подсчитывают вечеровок. Мы на это обращали внимание служащих, но они не признавали недочетов, а если и признавали, то говорили, что «это ничего, подсчитаем в будущем месяце», когда же напоминали, то тогда уже положительно отказывали, говоря: «Ты может быть и за прошлый год вспомнишь». А иногда просто подкупали отдельных из заявителей «протестующих».

Зимние праздники не соблюдались — принуждали выходить на работу; кто отказывался, того переводили на верховые работы, а при повторении — выдавали расчет.

При работе в мокрых забоях не подсчитывают за сапоги. В шахтах не дают достаточного освещения, работают в темноте. В пользовании взрывчатыми веществами происходят задержки, приходится долго ждать пальщиков. Когда заявляли об этом, то служащие обычно отвечали: «А нам какое дело, если не можете дождаться, то хоть кулаками работайте». Таким образом при задельных работах много времени идет непроизводительно, а время отдыха сокращается. Некоторые необходимые инструменты заставляют приобретать на свой счет.

Вообще условия труда постепенно ухудшались. За последние два года управление сбавляло заработную плату, на мелочах стало обсчитывать, заработок сильно понизился.

Женщин назначали для исполнения домашних работ служащим по выбору последних, несмотря на отказ женщин,

отлично знавших, что их ждут оскорбительные для женской чести предложения. Отказываться же нельзя было, так как мужья получали выговоры, а то и расчеты. Был такой случай, когда рабочий Сорокин (живет на Успенском прииске) обратился с жалобой к мировому судье на грубое насильственное приставание одного из служащих к его жене на маевке, но в принятии этой жалобы мировой судья отказал. Маевки эти (своего рода пикник) устраиваются во время встречи прибывающего из С.-Петербурга главноуправляющего Белозерова. Для прислуживания наряжаются женщины, опять-таки не по желанию, а по особому выбору. Вечером, при возвращении с маевки, женщинам не позволяют итти дорогой, а приказывают итти кустами, мужчины же их ловят: «Вы будете серны, а мы охотники», — говорили они.

Подростков, по-местному «малолеток», заставляли чрезмерно работать, а кроме того вышедших из этого возраста продолжали считать «малолетками», чтобы не платить, как взрослому рабочему.

В вольных магазинах забирать товар боимся, так как за такими рабочими следили, забирали в казачью и вносили в «черную книгу» и уже на будущую операцию не принимали. Покупать же в вольных магазинах несравненно лучше: во-первых, некоторые товары дешевле, во-вторых, имеется возможность выбора, а в-третьих, закупленный товар торговцы привозили к казармам, из амбара же приходится все тащить на себе.

При ежемесячных расчетах денег нам на руки не выдавали. Просишь денег — не дают. Выдают только часть — не более 10 рублей, а на остальные выдавали талоны. В магазине сдачи с талона не давали, приходилось брать товара на весь талон тогда, когда товар был и не нужен.

Кому до крайности нужны были деньги, тот вынужден был продавать свой талон другому рабочему, хотя таких желающих купить талон было мало. Частные лица не занимались скупкою талонов у рабочих, производилась эта операция лишь с якутами, которые деньгами ничего не получают.

Для перевода домой денег на руки не выдавали. Контора сама переводила и притом с большим опозданием, иной раз больше месяца. Даже при телеграфных переводах денег контора чинила большие задержки.

Обращение с нами служащих вообще очень грубое, с отборною площадною бранью. Такое обращение поддерживается самим управлением, о чем свидетельствуют сами служащие. Всем нам известна излюбленная поговорка Белозерова: «У меня от коня остается грива да хвост, а от вас (т. е. рабочих) — только нос». Должны отметить, что служащие очень ревностно относятся к возложенным на них обязанностям, принимают непосредственное и деятельное участие в обмерах, обвесах и обсче-

тах рабочих. Это объясняется тем, что почти все они имеют акции Ленского товарищества и таким образом заинтересованы в прибылях предприятия.

Что же касается до заявления и жалоб на те нарушения и притеснения, которые допускали по отношению к рабочим служащие, то они не достигали цели. Управление их не принимало во внимание, а лишь отмечало жалобщика и затем или переводило на «Кулебрянник», отстоящий за 200 верст, причем за время перехода не платило (это называлось ссылкой на Дальний Восток), или просто рассчитывало.

Окружной инженер приезжал на прииски очень редко, — в этом году за 8 месяцев не был ни разу; вообще же Тульчинский посещает прииск 4—5 раз в год, да эти посещения не имели для рабочих никакого значения. Администрация знала о приезде окружного инженера дня за два, все, что следовало, подправляла, опасные забои замаскировывала. При обходах за окружным инженером ходили служащие и кто-нибудь из администрации, которые и записывали всякого жалобщика. Этим путем управление достигло того, что жалоб почти не было, так как никто не решался лишиться своего заработка.

Заявление рабочих Светлого прииска сенатору Манухину.

...Нас, рабочих, управление держит на работах в водяных канавах и без смены по нескольку дней, на все это нам жаловаться некому, так как наш прииск отстоит от окружного инженера за 70 верст. Мы несколько раз обращались к уряднику, который нас прогоняет, на нашу просьбу составить протокол о незаконном действии управления урядник ответил: «Я вам составлю не протокол, а обвинительный акт на вас».

Ввиду этого мы не решаемся просить полицию составить протокол относительно тухлого мяса, которое управление скрывает по случаю приезда начальства в орте (шахте), где оно в количестве около 500 пудов находится и по настоящее время. А потому имеем честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство оградить нас, рабочих Светлого прииска, от произвола, а также расследовать и уничтожить тухлое мясо, которое управление вероятно бережет рабочим после отъезда вашего высокопревосходительства.

Выборные от Светлого прииска рабочие.

Из протокола допроса сенатором Манухиным чиновника особых поручений Майша при иркутском губернаторе от 20 июня 1912 г.

...В дополнение содержащихся в телеграммах и протоколах данных могу указать нижеследующее: я лично видел рас-

четные книжки рабочих, заработок которых не превышал одного рубля в день. Ничтожность такого заработка, по заявлению рабочих, была обусловлена невозможностью выработки достаточного количества породы вследствие условий работы: так откатывать добываемые пески от забоя к бадьям, а также подносить крепежный лес от бадьи к забоям приходилось по проходам вышиною от одного до полутора аршина на расстоянии до 150 сажен, причем выката в этих проходах или вовсе отсутствовали или же были в очень плохом состоянии. Во многих случаях работа в мокрых забоях проводилась, как в сухих, и на мой вопрос, каким образом это могло иметь место, смотрители шахт объявили, что они полагали, что при дальнейшей работе эти забои высохнут. По заявлению рабочих, на такие работы ставились провинившиеся рабочие, и это служило мерой наказания. Для оттаивания мерзлого грунта устраивались внутри шахты пожоги, что при отсутствии вентиляции часто вело к массовым угарам рабочих. Грубое отношение служащих к рабочим вошло на приисках в обычай...

Условия работы по показаниям выборных комиссии адвокатов.

Выборный Б. «В мокрых забоях работают часто по колено в воде, все мокрые. В мокром виде идут в казармы. Обувь была своя, и ничего не платили... Сушилок при шахтах нет.

Так как после пожогов нет вентиляции, то часто угорают. Иногда сильно угорают и идут к зумпфам, там дают спирт на шатырный; если не отдышатся, то отправляют в казармы, но за этот день платы нет, хотя и не штрафуют. Иногда поднимают наверх без чувств...

Пожоги делаются и летом. Даются брезентовые и кожаные пиджаки, шаровары и шляпы, которые служат 2—3 срока. Часть их непромокаема. Одежда никуда не годится или ее нехватает; одежда не спасает, так как вода заливает в рукава и за воротник. При смене мокрую одежду надевают рабочие из другой смены. Коридоры освещаются электричеством, но света мало, особенно зимой, когда воды для приведения электрической машины в действие нехватает, особенно плохо освещаются лестницы, где бывают 2—3 лампочки на весь выход. При спуске с инструментом в руках (одной рукой за поручень, другой — пилу, барду, молот, кайлу, топор, бур) бывают случаи, что иногда роняют инструмент и на товарища.

Динамит хозяйский, но плохой, бывает большой дым и ядовитый газ, от которого болит голова».

Выборный Р-ев. «...Заработок ничтожен. Причины этого — постоянные обмеры, которые мне приходилось по

просьбе рабочих выяснять. Затем поражало меня обращение администрации с рабочими. С ругательством начиналась работа и ругательством кончалась. Сыск и шпионство, доносы шли не только от служащих, но и от рабочих. Доносчикам и шпионам из рабочих давали ход. Их ставили в лучшие забои. Все эти непорядки замечались рабочими. В свободное время, во время застоя бадей, шли разговоры об этих непорядках и забастовках в России. Чувствовалось, что недовольство рабочих должно породить забастовку».

В ы б о р н ы й Х. «...При шахтах сушилок нет.

При сменной работе новые рабочие надевали мокрые кожаны отработавших рабочих.

Постоянно своя одежда всегда была мокрой. Зимой в мокрой одежде приходилось $3^1/_2$ версты до Александровского, $1^1/_2$ версты до «Загалдына» и т. д. итти пешком.

Вентиляции в шахтах нет.

...Белозеров, вступая на работу, заявил, что при мне работать будут не так, как при Граумане: «при мне у рабочих останутся нос да глаза, а у лошадей хвост да грива».

И действительно, положение рабочих на приисках тяжелое. Происходят постоянные обмеры, так как смотрители сразу выработку не записывают, а записывают потом и всегда записывают меньше. Администрация очень жестокая, обращается с рабочими грубо. Бывали случаи, что отдельные служащие били рабочих. Станукинас бил одного подростка. Служащие ввели принудительную проституцию. Была принудительная расплата талонами. Обвесы всегда были, протоколов не было на Феодосиевском, на Андреевском есть. В праздники были принудительные работы, в отдыхи то же самое. Бывали случаи, что рабочие работали круглый год без одного отдыха. Плохое продовольствие, несеяный хлеб, мясо тухлое, кишки, головы, внутренности...

Большинство смотрителей шахт Утесистого прииска требовало от рабочих, чтобы они становились на работы по первому свистку — в 5 часов, хотя после первого свистка рабочие должны только выходить из своих помещений на раскомандировку. Один из самых ревностных в этом смысле смотрителей, некто г. Синцов, заведывавший в свое время шахтой № 5, требовал, чтобы рабочие являлись еще до первого свистка.

...Малейшее опоздание влекло для рабочего целый ряд тяжелых последствий, как например перевод на плохие, т. е. тяжелые и плохо оплачиваемые, работы. Я знаю случаи, когда опоздавшего на раскомандировку рабочего высылали на работы по проведению канав, где ему приходилось за 1 р. 60 к. работать весь день по колено в воде, или же на верховые работы зимой при вознаграждении в 1 р. 35 к.».

Р - к А. - «...Пользуясь тем, что все рабочие, не исключая и цеховых, нанимаются как чернорабочие, причем по договору ни от каких работ мы не имеем права отказываться, приисковая администрация очень часто переводит мастеровых в горнорабочие или попросту заставляет чистить дворы. Делается это в целях наказания или просто для того, чтобы свести счеты с неугодным мастеровым. Инженер Цинберг однажды (это было в начале новой операции) откровенно сказал, что право перевода мастерового в горную работу — это единственное у них, т. е. у приисковой администрации, оружие против цеховых рабочих. Это оружие применялось очень часто и иногда без всякой вины со стороны рабочего. Укажу пример: слесарь Бомов был переведен в чернорабочие единственно за то, что указал на неправильную запись его заработка».

Х - в. «...На Андреевском прииске около 800 человек рабочих. Рабочий день начинается с $4^1/_2$ утра и оканчивается в 7 часов вечера; на обед полагается час с четвертью зимой и час три четверти летом, но на самом деле обеденный перерыв гораздо короче, так как выходить из шахт разрешается только после свистка, а к свистку, который давался после обеда, все рабочие обязаны были находиться уже в шахтах. Немало времени отнимала также ходьба в казармы, которые находились далеко от шахт.

Продолжительность рабочего дня часто удлинялась по произволу смотрителя, заставлявшего рабочих приходить по утрам на работу до первого свистка, а вечером оставаться в шахтах для устройства пожогов. Пожоги отнимали чуть ли не час времени, так как уголь для них приходилось брать из другой шахты, отстоящей от шахты, где добывали пески, на расстоянии не менее полуверсты. Заработная плата была очень низка: 1 р. 50 к. в шахте и 1 р. 35 к. на верховых работах».

Жалоба жен ленских рабочих, полученная инженером Тульчинским от 24 марта 1912 г.

Мы, женщины, находящиеся на приисках Ленского золотопромышленного товарищества, согласились обжаловать все те причины, которые представляют неудобства жизни. Порешив выбрать из себя представительниц, мы посылаем их к правительственному ревизору.

1. Мало того, что Ленское товарищество обсчитывает, обвешивает, обмеривает и делает всякие несправедливости по отношению к нашим детям, мужьям, отцам, ему, т. е. Ленскому товариществу, понадобился наш труд в всевозможных формах и видах: нам приходится выполнять всякие работы включительно с таскáнием тяжестей, а также и мужские работы.

2. Работать приходится более 12 часов, а также и ночные работы. Помимо нашего труда от нас еще требуют и наше тело.

3. Когда мы не поддаемся, то нам не проводят рабочее время, выдворяют из казармы, штрафуют, мужьям нашим заявляют, чтобы они внушили нам слушаться, чтобы «проучили», и если нас мужья и не проучивали, то их наказывали всевозможными лишениями.

4. Насильственным путем они заставляли нас выполнять работы, не считаясь с нашими заявлениями о болезнях.

5. Выгоняли на работы плетьми, отрывая от грудных детей.

6. Грубое обращение, переходящее всякие границы нравственности. Об упомянутом имеем документы за подписями женщин.

Из показаний делегатки от женщин-работниц комиссии адвокатов.

З-ая А. «... 12 марта сего года были избраны 4 женщины для собирания жалоб женщин; я оказалась среди избранных. Мне пришлось лично опрашивать всех женщин Феодосиевского стана; кроме того я получила от них 22 письменных жалобы. В этих жалобах содержатся указания на целый ряд притеснений и обид, которым подвергались женщины со стороны нарядчика Филарета Евсеева Бармина, который при назначении их на работу позволял себе самую грубую брань и угрозы. Назначение на работы носило принудительный характер, а отказ от работы — какими бы причинами он ни вызывался — влек за собой увольнение мужа со службы. Бывали случаи, когда путем угроз и принуждений заставляли выходить на работу больных женщин. Просьба женщины об освобождении ее от работы ввиду наступления ежемесячной женской болезни вызывала только грязные насмешки и брань. Болезнь ребенка также не освобождала мать от обязанности итти на работу. Назначали и на работы, слишком тяжелые для женщины. Некая К-а была например назначена таскать горбыли с лесопильного двора к реке. Горбыли тяжелые, расстояние от лесопильного двора до реки большое, а она была в то время беременной. Просила нарядчика освободить ее от этой работы — отказал. Обратилась к станового — тот выругал ее и прогнал. Пришлось таскать горбыли, а затем недели две она лежала больной. Более всего страдали женщины от нарядов на работы в помещениях холостых служащих, которые преследовали их грязными предложениями, а в случае отказа со стороны женщин угрожали рассчитать мужа. Я лично была назначена однажды мыть полы в квартире холостых служащих. Один из них (фамилии его я не знаю) сделал мне гнусное предложение. Когда же я, обиженная этим, заявила ему, что я честная работница, а не

проститутка, он стал кричать и пригрозил пожаловаться на меня Филарету Евсеевичу Бармину. После этого меня больше не наряжали уже ни на какие работы. Протестуя против принудительности работ, женщины однако же считают, что неназначением их ни на какие работы нарядчики имели в виду сломить упорство сопротивлявшихся женщин требованиям холостых служащих. В общем женщины желали работать, но требовали, чтобы работа не была для них непосильной и не толкала их на проституцию. Бывали случаи, когда девочек-подростков наряжали в качестве прислуги во время балов в собрании, причем возвращаться домой им приходилось обыкновенно поздно ночью. Ежегодно в мае месяце на Надеждинском прииске устраивались маевки в присутствии самого Белозерова. В течение по крайней мере недели до маевки десятки женщин сгонялись на Надеждинский прииск на всякого рода подготовительные работы, а во время самой маевки они должны были прислуживать. Опрошенные мной женщины жаловались на утомительность этой работы, грубое обращение с ними и главным образом на принуждение возвращаться по окончании праздника не дорогой, а почему-то обязательно лесом. Некоторые из женщин объясняли, что пьяные служащие преследовали их в лесу, приставая к ним с гнусными требованиями. Имелись жалобы и на неправильные расчеты. Так например М. П. жаловалась, что за шитье белья для приюта ей провели по 80 коп. за день, тогда как за шитье на собственной машинке полагается 1 р. 20 к. в день. Я накануне пасхи представила 22 письменные жалобы окружному инженеру Тульчинскому, который, прочитав их, схватился за голову и воскликнул: «неужели же все это было на самом деле!» — но тут же заявил, что лично его это не касается, посоветовав мне передать жалобу товарищу прокурору. 2 апреля я была у товарища прокурора Преображенского, который, приняв от меня жалобы, обещал произвести расследование и допросить женщин, но до сего времени (3 июня) он никого из них не допросил. Какая судьба постигла жалобы, мне неизвестно».

III. Стачка и ее организация.

Наконец в 1912 г. терпение рабочих лопнуло. Тяжкий экономический гнет и полное бесправие, в котором держало «Лензото» своих рабочих, породили могучий протест. 6 258 рабочих (не считая женщин и детей), разбросанных по рудникам огромного Ленского района, почти одновременно прекратили работу.

Из воспоминаний председателя Центрального стачечного бюро т. Баташева.

1 марта вечером на Надеждинском стало известно, что забастовали андреевцы, а утром 2-го прибыл нарочный и объяснил причину забастовки.

Итак, учитывая всю обстановку и громадное преимущество ленского капитала над бесправными, оторванными от внешнего мира дальностью расстояний, темных, затравленных нуждой и запуганных рабочих, «Лензото» бросило вызов. Перед нами стала дилемма: примириться или принять вызов?..

Примириться — это означало признать свое собственное рабство, именуемое «двадцать лет тайги». Принять вызов — означало выдержать жесточайшую классовую борьбу ценой крови и тюремных застенков, — и мы предпочли последнее.

2 марта с утра Алеша «Лягавый» [1] не отходил от моих тисок и не спускал с меня глаз. Он, как тень, бродил за мною, выслушивая, о чем я говорю. С Подзаходниковым я обменялся мнением. Воспользовавшись случаем, когда отлучился Алеша, я обратился было к Розенбергу [2], но тот, предупредив меня, заявил: «хорошо бы горняки с дубинами пришли нас снимать. Если мы сами объявим забастовку, то нас арестуют!» — «Ах, ты политическая ошибка!» — с досадой сказал я и пошел прочь.

---

[1] Служащий при цехе, доносивший по администрации.
[2] Ссыльный меньшевик.

Надо было действовать. По прошлому опыту я поступил так. Подговорил мальчугана, ученика, сказать в кузне, чтобы они шли в механическую, ибо там дожидаются электрические и механические. Когда все сошлись, то мастер Демут попробовал своим присутствием запугать мастеровых, и действительно некоторые рабочие от него отвертывались, чтобы не узнал и не уволил. В присутствии Демута никто не хотел высказываться. Тогда я выделился и заявил: «Причина нашей сходки вполне понятна. Нам известно, что наши товарищи объявили на Андреевском прииске забастовку и что Теппан грозит расчетом. Может быть часть рабочих уже сидит в тюрьме. Мы работаем в одинаковых условиях с Андреевским прииском, а потому нам надо обсудить, что нам делать». — «Выходите из мастерской, здесь место для работы, а не для собраний», — закричал Демут.

«Товарищи, пойдем на двор, там и сговоримся!»

Когда мы вышли на двор, я осветил перед рабочими положение товарищей на Андреевском, заявляя: «нам необходимо до окончательного выяснения дела на Андреевском в знак солидарности примкнуть к забастовке!» И здесь попытался вмешаться Демут, но получил отпор: «Мы — рабочие, ты — администратор, о своем положении мы сами позаботимся, а потому просим оставить наше собрание». Он не уходил. Я сказал «Товарищи, пойдемте по баракам, а после обеда мы сговоримся без администрации». Так и сделали. После обеда мы собрались всеми мастерскими в неотстроенной бане, о чем администрация не знала. Здесь мы постановили: «выработать часть предполагаемых требований, выбрать уполномоченных от Надеждинского прииска, снять рабочих на Феодосиевском и Александровском приисках». Выборными оказались: Вязовой, Подзаходников, Годов, Беляков и пишущий эти строки.

Вечером, лишь только стемнело, я, Подзаходников, Вязовой и Годов отправились на Александровский прииск, собрали митинг, задержав рабочих на ночную смену и дождались прибытия кончивших работу. На открытом митинге было решено: прекратить работы, произвести выборы, выработать требования и совместно с остальными приисками предъявить их «Лензото». Александровский прииск стал, Феодосиевский прииск тоже стал.

3 марта с утра в мою комнату стали прибывать выборные депутаты от забастовавших приисков.

На нашей стороне было много преимуществ для организационного построения, так как казарменный образ жизни давал нам очень многое. Мы решили в первую очередь создать институт старост, выбрав в каждом бараке одного старосту и к нему двух помощников.

Мы набросали потом предварительные требования бытового, экономического и политического характера.

Первоначальные требования, которые были так небрежно набросаны, объясняются тем, что главная и основная наша задача в первый момент заключалась в том, чтобы закрепить организационные устои, а в процессе борьбы детально выработать требования с фактической обосновкой и доказательствами.

3 марта был выбран от делегатов приисков Рабочий комитет, или вернее Центральное бюро, и распределены обязанности в следующем порядке: председатель Баташев П. Н., товарищ председателя Черепахин Г. В., второй — Зеленко и третий — Попов.

Уполномочены для ведения переговоров с приисковой администрацией: Баташев, Вязовой, Зеленко, Черепахин, Беляков, Бондарь.

На собрании решено было не фиксировать на бумаге, но потребовать закрытия винных лавок.

Наконец уполномоченные, заседавшие в комнате пишущего эти строки, отправились к народному дому, чтобы огласить рабочим наши требования и потом предъявить их исполняющему обязанности главноуправляющего золотыми приисками, г. Теппану.

После оглашения ответа Теппана и дружного решения бастовать рабочие стали расходиться, только выборные зашли в мою комнату договориться по некоторым организационным вопросам. Черепахин Гриша был прикреплен к Феодосиевскому прииску с Корнеевым и Андреем Петуховым, Попов, Бондарь — к Александровскому, Лесных с кем-то — к Васильевскому, Зеленко и Быков — к Андреевскому, Украинцева Матвея уполномочили от Центрального бюро на дальние прииски, снабдив деньгами и средствами передвижения. Меня как председателя оставили для общего руководства всей забастовкой. С этой целью я должен был объехать от Утесистого до Феодосиевского все прииски. Выборные немедленно должны были произвести выборы старост, которым комитет или совет уполномоченных депутатов должен давать руководящие указания.

В этот же вечер, как разошлись выборные, мы с Зеленко направились на Андреевский прииск, где и был митинг трех приисков: Утесистого, Андреевского и Васильевского. После этого возвратились вновь на Надеждинский, затем объехали все прииски II дистанции и проверили, везде ли по казармам были выбраны старосты и их помощники.

Старосты были везде на местах выбраны. Водку во время забастовки перестали пить.

Мы перестали доверять ленским сторожам, стоящим у сена, у машин, амбаров и кладовых, и во избежание провокации с ленской стороны для контроля ставили своих людей.

Нам необходимо было иметь широкую осведомленность, для этих целей мы использовали домашнюю прислугу, обслу-

живающую приисковую администрацию на дому, в квартирах и общественных собраниях, где администрация решала судьбу нашей забастовки.

Центральное бюро выработало инструкцию, как должен себя держать староста.

С 10 марта «Лензото» пустило по приискам «утку», что «выборные подкуплены и потихоньку покидают прииски». В ночь на 11 марта на Пророко-ильинском прииске один инженер, служащий «Лензото», переодевшись в костюм горнорабочего, воспользовавшись тем, что староста барака уходил к телефону, крикнул: «Ребята, вставай на работу... Андреевцы и васильевцы работают... Выборные взяли взятку и скрылись... Я побегу в другой барак, а вы здесь обсудите да и айда...» — и сам бросился из барака.

За то, что рабочие не задержали провокатора, староста и оба помощника в бараке были переизбраны и получили общественное порицание.

Когда я возвратился на Надеждинский, меня окружили механические и заявили, что «рабочие малоалександровских двух бараков угрожают разгромить Надеждинский, если ты не явишься к нам сегодня». Я забрал с собой двух рабочих для наблюдения, и явился в барак малоалександровцев, попросил явиться и из другого барака и спросил:

— Что вы хотите?.. В чем дело?.. Зачем звали?..

Меня окружали возбужденные рабочие, я ожидал самосуда, у зачинщиков, как видно, не было уверенности. Момент напряженного состояния создал какую-то нерешимость. Наконец загалдели три приискателя.

— Выборным дали взятку, вот они и молчат теперь, а тебя с собаками не сыщешь. Завтра продуктов не будут отпускать!..

— Говори, говори... — загалдели еще человек семь.

— Хорошо, — ответил я. — Вы сказали, что выборные получили взятку несколько тысяч, мы узнаем, кто получил. Теперь расскажите, кто вам это сказал?..

— Нет ты отвечай, — опять загалдели.

— Староста, скажи, кто сказал первый о получении выборными взятки?..

— У нас никто не говорил, — замялся староста.

— Ну, скажите же, кто вам сказал о получении взятки?

— А почему никаких переговоров не ведете? — крикнуло несколько человек.

— Это вопрос другой. И «Лензото» и Александров с исправником от переговоров отказались. Что нам делать, научите? — Наступило молчание. — Ну, теперь слушайте. Если вы находите, что ваши выборные получили несколько тысяч взятку, то давайте выберем других, пусть другие получат и так далее. Мы будем здесь кричать и драться, полиция будет забирать

нас в участок. Этого хочет и Ленское товарищество и полиция, а для того чтобы сорвать забастовку, распускают такие слухи, чтобы натравить нас друг на друга. Администрация подговаривает и служащих и рабочих, чтобы они распространяли подобные слухи. Это делают провокаторы, и я требую, раз мне доверяют рабочие всех приисков, чтобы сейчас же назвали, кто вам сказал, что выборные получили взятку. Здесь я привел случай с инженером на Пророко-ильинском прииске.

Барак весь успокоился, я пожелал рабочим спокойной ночи, а старостам поручил расследовать, от кого получено такое сведение.

Первые заявления бастующих.

Прошение горному инженеру Витимского горного округа рабочих Андреевского, Васильевского и Утесистого приисков от 1 марта 1912 г.

Просим господина окружного инженера разобрать дело рабочих Андреевского, Васильевского и Утесистого приисков и резолюцию объявить, в том что «Лензото» не соблюдает свой контракт, который оно нарушило в нижеследующих вопросах, и с чего рабочие прекратили работы ввиду возникших недоразумений 28 февраля 1912 г. на Андреевском прииске «Лензото» между рабочими и продовольственной кухней; не говоря о том, что рабочие всегда получают на кухне негодное мясо, в большинстве случаев с болячками и прочими несъедобными частями, ввиду чего и происходит повальное заболевание рабочих животами. И на все единичные заявления рабочих и просьбы выдавать лучшее мясо ответ один: «не хочешь, — не бери», или «ты дома и такого не ел».

Наконец кухонная администрация дошла до того, что 25 февраля вручила одному рабочему бычий член, а другому такой же лошадиный со всеми принадлежащими частями. При виде такого мяса у многих появилась сильная рвота, в особенности у женщин.

На основании всего нижеизложенного рабочие решили принести общую жалобу и с этою целью 29 февраля не вышли на работу...»

Требования, выработанные центральным стачечным бюро рабочих всех приисков от 3 марта 1912 г.

«Собранием рабочих «Лензото» Пророко-ильинского, Александровского, Успенского, Андреевского, Васильевского, Надеждинского и Феодосиевского приисков от 3 марта 1912 г. остановлено:

Прекратить работы до тех пор, пока не будут удовлетворены требования всех рабочих.

Время забастовки должно писаться как рабочее время, т. е. поденно.

Время забастовки не должно ставиться в вину забастовавших, так как эта последняя вызвана насущнейшей необходимостью неудовлетворенных вопросов, которые ставятся в главу требований.

Наши требования.

1. Во все время забастовки продовольствие по кухне должно выдаваться по обыкновению.

2. а) Продовольствие по кухне должно выдаваться на равных условиях со служащими. Все продукты на кухне должны выдаваться в присутствии уполномоченных, которые назначаются рабочими того же района, в котором предстоит выписка; б) мясо должно делиться на два сорта; в) квас должен быть в летнее время за счет «Лензото»; г) хлеб ржаной должен быть сеяным; д) картофель должен быть обязательным; е) капуста должна быть обязательна ввиду того, что она предохраняет от цынги.

3. а) Расширение квартир с достаточным количеством воздуха, с бесплатным же освещением; б) холостым одна комната на двоих, а семейному одна комната. Отдельные помещения — прачечная и сушилка.

4. а) Рабочие, нанявшиеся по профессии, не должны посылаться в ту область труда, где не требуется их профессиональное знание, а также горнорабочих. Установить очередную сменяемость работ; б) ни один рабочий не должен увольняться в зимнее время. Увольнение должно быть летом, и притом же должен быть выдан обязательно бесплатный проезд с семьей до Жигалова; в) если же администрация увольняет рабочего, то должна рассчитать по закону.

5. а). Восьмичасовой рабочий день. Предпраздничные дни по семь часов. Воскресные и двунадесятые праздники работать не обязательно, а считать эти дни льготными; если же в эти дни производится работа, то должно с 6 часов утра до 1 часа дня, и писать их за полтора дня; б) неурочное время должно оплачиваться за первые 2 часа — 3 часа, а за последующие часы — за каждый час 2 часа.

6. Существующая такса должна быть увеличена пропорционально плате: до 2 руб. — 30%, до 2 р. 50 к. — 20% и свыше — 10%. А для горнорабочих отрядные работы не принудительны, а по взаимному соглашению.

7. а) Каждый день должен вывешиваться табель с проработанного дня, а также и по окончании месяца, в табели должен

быть подсчет за целый месяц; б) горнорабочим должны выдаваться ежедневно ярлыки на выработку.

8. Уплата заработка должна производиться ежемесячно и полностью в конторе мастерской и на стану, причем получатель должен расписаться в табели в сумме, которую он получил.

9. Выписка по амбару для мастеровых должна производиться тремя днями раньше горнорабочих.

10. Отмена штрафов.

11. Выделить полную автономию вахтовых, которые должны подчиняться только механической администрации; чтобы служащие горнорабочих не вмешивались в дела электропаровых машин. Трехсменная вахта по 8 часов в сутки.

12. Всем рабочим и мастеровым не должна сбавляться поденная плата. Рабочим, командированным на дальнее расстояние, должен платиться полуторный оклад.

13. По первому требованию больного должна явиться медицинская помощь. Болезнь рабочего по вине Ленского золотопромышленного товарищества оплачивается поденной платой, а болезнь вообще — полднем до дня выздоровления. Обязательная выдача удостоверений больным.

14. Чтобы администрация не увольняла по личным капризам, а делала это с ведома рабочей комиссии.

15. Непринужденность женского труда.

16. Вежливое обращение администрации: рабочих называть не на «ты», а на «вы».

17. Устранение административных лиц: а) Утесистого прииска: старшего шахтера Якова Свинцова; б) Андреевского прииска: смотрителя Горелова, служащего Феоктистова и Баженова; в) Пророко-ильинского: управляющего Кобылянского, смотрителя Иевлева, служащего Бегузарова; г) Александровского прииска: смотрителя Костина, Казикова, братьев Кузнецовых, Шебеко, инженера Савельева, станового Аненгольм и служащих: Токарева, Каморникова и Пестякова; д) Надеждинского прииска: заведующего мастерской А. Демут; е) Феодосиевского прииска: станового Станкинова, инженера Бромирского, смотрителей: Каржановича, П. Русакова, кассира конторы, обходного Бормина, Штейнер, плотн. маст. Макарова и Горшунова.

18. За время забастовки никто не должен пострадать.

О гарантиях выборных.

а) Чтобы делегатам от всех забастовавших приисков было предоставлено право на время переговоров пользоваться бесплатным проездом по железной дороге от ст. Феодосиевской до ст. Бодайбо, а равно и на лошадях.

б) Чтобы управление «Лензото» снеслось бы с местной полицией о гарантии свободы делегатов.

в) Чтобы на время забастовки выборным был предоставлен народный дом.

г) Чтобы административной властью не назначались на работы отдельные лица, предварительно не испросив разрешения делегатов.

Мы хотим, чтобы забастовка носила миролюбивый характер, а поэтому заявляем: если будут применены карательные меры к нашим уполномоченным, тогда мы снимаем всех рабочих с работы.

Воззвания ленских рабочих.

«Бодайбинцам рабочим от рабочих.

Товарищи рабочие! В тот момент, когда ваши же товарищи, живя в душных казармах Ленского товарищества, голодные борются за право, за улучшение своей жизни, Ленское товарищество нанимает нас на работы. Мы, рабочие, живущие теперь в Бодайбо, неоднократно терпели от Ленского товарищества и, когда-то вышвырнутые товариществом, не пойдем наниматься,— это наш долг, долг честных рабочих. Пусть Ленское товарищество знает, что сознательные рабочие не хотят помогать Ленскому товариществу угнетать рабочих. Когда-то Ленское товарищество звало нас мерзавцами, негодяями. Теперь же оно ищет защиты мерзавцев, негодяев, привлекая к себе на работу. Мы знаем, что «Лензото» сегодня наймет нас для работы, а как только вышли на работу, то опять начнутся понукание, приказ: работай, работай, работай, не разгибая спины, защищай интересы «Лензото». Пусть «Лензото» заставляет работать своих холопов, чтобы они охраняли интересы богатого мужика, мы же не пойдем на работы и крикнем: не пойдем, не пойдем. За здравствует забастовка! Да здравствует победа рабочих!»

Рабочим от рабочих.

Товарищи рабочие! Неужели вы будете дальше продолжать работы? Неужели наша забастовка разом не есть ваша забастовка? Ведь вам известно, как «Лензото» нас унижало на каждом шагу. Оно нас кормило дохлятиной с примесью конского навоза. Ругали нас и надругались над нашими женами и дочерьми. Нас обидами поносили, побоями и так далее. Невозможно все это перечислить, что мы перетерпели до забастовки. Из нас каждый знает и сам припомнит это, кому жилось худо. Потому что даже те ничтожные законы, которые «Лензото» должно было исполнять, оно не исполняло. И теперь всеми правдами и неправдами оно хочет восстановить старый бывший порядок, но этого больше не будет и не может

быть. Тульчинский с пеной на губах кричит, что он сторонник рабочих, а мы ему не верим. Знаем, что он меняет свою шкуру по сезону. Не смущает нас также собачья морда жандармского ротмистра. Пусть он лает сколько угодно, но только жаль его бесполезных усилий. И можем ли мы обратить наше внимание на брехню полицейской собаки? У нас более важные дела. Мы должны настаивать, чтобы исполнили законный расчет и требования. Товарищи, вы вышли на работу, но что же вас ждет? Ждет то же, что нас, те же издевательства, насилия и пр. И что же вас ждет в будущем со стороны товарищей, работающих и борющихся за лучшее будущее? Да здравствует забастовка! Долой предателей дела рабочих!»

Была создана стройная и гибкая организация. Рабочие комитеты руководили стачкой на каждом прииске. Председатель комитета входил в центральное стачечное бюро. Кроме того были выбраны старосты бараков.

Инструкция старостам бараков.

Староста и его помощники не должны покидать барака во время дежурства. Кто бы ни пришел в барак, должно оказывать ему полное гостеприимство. Посетившего напоить чаем, накормить, спросить, с какого он прииска и с какого № барака. Спросить имя и фамилию и немедленно передать выборному или же самому позвонить на тот прииск и справиться, есть ли такой в таком-то бараке и дома ли он. Если после проверки по телефону устанавливается, что этот человек обманул, тогда необходимо такого человека зазвать на тайное совещание в сушилку, запереть его там и держать пока не выяснится настоящее его лицо, местопребывание и служба. И только при установлении его освободить. Если же не удается узнать, то просто его нужно отправлять в полицию, говоря, что это или вор или провокатор. За распространение ложных слухов и подстрекательство самим приискателям внутри своего барака накладывался бойкот, причем он носил своеобразную форму. Если Петров шумел или скандалил и тем нарушил жизнь барака, то ему объявлялся бойкот одним бараком, если же замечался за кем-либо провокационный уклон, то был открытый бойкот по всем приискам. Здесь поступали так: Петрову объявлен открытый бойкот. Когда обсуждают какой-либо вопрос, его из барака просят уйти. Никто с ним не разговаривает. Если он пошел куда-нибудь, за ним идет рабочий и говорит там, куда пришел бойкотируемый, чтобы ему не подавали руки и не разговаривали с ним. При этом сопровождающий рассказывал, за что бойкотируется пришедший. Тогда бойкотируемого просят покинуть барак, а сопровождаю-

щего встречают, как товарища. Таких случаев было три. Рабочие приходили со слезами на глазах, просили снять бойкот, давая клятвенное обещание больше этого не делать. После этого при проверке оказывались благоприятные результаты.

Из протокола допроса комиссией сенатора Манухина старосты барака Болотова А. Г. в июле 1912 г.

...На обязанности старост лежало: наблюдение за порядком в «номере», надзор за правильным несением ночными караульными из числа рабочих своих обязанностей, сбор денег для выборных и на общие расходы рабочих (посылка телеграмм, написание прошений), наблюдение, чтобы никто из рабочих «номера» не ходил без особой надобности к служащим в казачью. Каждую ночь «номер» охранялся снаружи очередным караульным, назначенным старостой; этот караульный должен смотреть за появлением полицейских и предупреждать рабочих «номера» о появлении полиции и тем предупреждать напрасную тревогу. Для объяснений с сенатором были избраны выборные и на их содержание собрали по 50 коп. с рабочего. Ранее собиралось по 3, 5, 10, 15, 20 коп. с рабочего, смотря по его состоятельности (это происходило во время забастовки), на составление прошений к начальству, посылку телеграмм. Я например уплатил всего сборов 1 р. 10 к., а другие рабочие уплатили и того меньше. Наблюдение за тем, чтобы рабочие самовольно не отлучались из «номеров», установлено было с целью, во-первых, прекращения слухов о том, что делается в казармах, ибо мы считали, что могут распространяться разные неправильные сведения о наших требованиях, нашей жизни и т. д., во-вторых, не допустить случаев оскорбления рабочими тех служащих, против которых те или другие рабочие имели недовольство; часто приходилось слышать, что такому-то служащему надо было бы так-то отомстить, и вот в этих случаях, помимо уговоров, что делать так не годится, что это худо будет для всех рабочих, — не позволялось таким рабочим отлучаться из «номеров». Я пробыл старостой 1 месяц в № 8, а потом по моей же просьбе вследствие болезни меня освободили от обязанностей старосты.

Руководители забастовки.

Из воспоминаний делегатов Феодосиевского прииска и старосты барака № 16 И. Н. Кудрявцева.

Рассказывая про великую борьбу рабочих Ленских приисков, нельзя обойти молчанием отдельных руководителей заба-

стовки, которых выдвинула масса. На их долю выпало трудное дело: руководить приходилось без связи с партией большевиков, оторванность была полная, и в этом была колоссальная трудность руководства. Сами руководители не сознавали, какую историческую роль сыграет забастовка, которою они руководили.

Первый председатель центрального стачечного бюро П. Н. Баташев.

Переходя к характеристике отдельных руководителей, выдвинувшихся в Ленской забастовке, начнем с т. Баташева Павла.

Баташев работал слесарем на Центральной электрической станции на Надеждинских приисках, по убеждениям был социал-демократ, приехал на Лену из Центральной России, средних лет, грамотный, политически развитой, рабочий-массовик, он с первых же дней забастовки был душой и идеологом ее. На всех крупных собраниях и митингах он был глав-

ным защитником наших требований. На митинге 3 марта на Надеждинском прииске в Народном доме, когда рабочие решали свою судьбу, объявляли Ленскому золотопромышленному товариществу свои требования, на этом митинге т. Па-

Второй председатель центрального стачечного бюро Г. В. Черепахин.

вел, выдвигая главное положение — прекратить работу до тех пор, пока не будут удовлетворены требования всех рабочих, — сказал историческую, вернее пророческую фразу: «будем лежать до зеленой травы».

Весь март т. Павел день и ночь кипел в работе статечного комитета, будучи его председателем. Мы, рядовые участники Ленской стачки, буквально не знали, когда спит т. Павел. С утра совещание членов стачечного комитета вместе с казарменными старостами, дальше в какой-нибудь казарме стражники и полицейские пришли выселять того или другого забастовщика или отдельной казарме не выдают провизии, и Баташев бросается туда. С 12 часов дня начинается информационное собрание по казармам, чтобы поставить в известность всех рабочих, как проходит забастовка, какие тормозы и препятствия ставит Ленское товарищество. Вечером созывался митинг на каждом прииске отдельно, и на главных приисках руководил митингами и выступал перед рабочими т. Павел. Глубокой ночью совещание Бюро пятерки стачечного комитета. И так с 1 марта до 3 апреля горел в огне, в общественной работе этот самоотверженный по натуре, общительный, добрый т. Павел. У рабочих о нем осталось прекрасное воспоминание как о самоотверженном товарище, беззаветно преданном делу рабочего класса. Стоит он на бочке, поставленной прямо в снегу, и целый час или полтора держит речь, объясняя трудности борьбы и своей речью вливая бодрость в четырехтысячную рабочую массу на дальнейшую непримиримую борьбу, убеждая, что мы не одиноки, что нас поддержат и мы победим.

После выезда т. Баташева 3 апреля в Бодайбо по делам стачки, где он был вскоре и арестован, на его место руководить забастовкой выдвинули т. Черепахина. Рабочие знали его под именем Гриши. Черепахин работал с начала забастовки в стачечном комитете, но все же главным вожаком был Баташев. Гриша был другой человек: это был маленький, как бы отлитый из крепкого металла слесарь знаменитых Батайских мастерских в Ростове на-Дону, высланный царским правительством за участие в рабочем вооруженном восстании в 1907 г. Наш «политический» Гриша, как звали его рабочие, не был рабочим наших приисков, но в первый же день забастовки он явился на Феодосиевский прииск с Весеннего прииска Радко-Рожнова, где он работал плотником. Он своей неутомимой работой завоевал симпатию у рабочих. Этот маленький т. Гриша успевал везде. Он обратил серьезнейшее внимание на институт казарменных старост. Он сделал этот институт опорным пунктом, а затем руководящей базой для широкой рабочей массы. Он говорил: стачечный комитет могут уничтожить, арестовать, но старост всех не арестуют и не уничтожат; если уничтожат и арестуют старшего — есть помощник, и рабочие, привыкшие к информации и руководству старост, обязательно выберут нового, если почему-либо окажутся без руководителя. И он был прав: институт старост настолько привился и вошел

в жизнь рабочих казарм, что никакие силы Трещенкова и жандармов не могли разрушить крепко сколоченный институт старост. Только сейчас, когда прошло 20 лет, можно точно сказать, что всю организационную работу и спайку рабочих нужно отнести в основном за счет казарменных старост, но и разумеется за счет и самих рабочих. Казарменные старосты являлись тем цементом, который не могли разбить жандармские козни. Все ухищрения полиции и жандармерии разбивались об организованность рабочих, а рабочими руководили казарменные старосты. Старосты жили жизнью рабочих, каждый день и каждый час указывали настроение массы, немедленно передавая о нем стачечному комитету. В сохранении, укомплектовании и воспитании института старост главная заслуга принадлежала т. Черепахину.

За ним буквально охотились полицейские и жандармы, но он благодаря своему маленькому росту, быстроте движений, находчивости и смелости ни разу не попался ни сыщикам, ни полицейским. Гриша не знал подъема и падения настроения: мы всегда видели его бодрым, он всегда умел из всякого трудного положения найти выход, дать ответ, удовлетворить запрос одного ли рабочего, группы или целого митинга. Находчивость, смелость и беззаветная преданность делу заслужили Грише любовь всех рабочих, готовых в любую минуту защищать грудью т. Гришу. По решению стачечного комитета перед концом стачки он уехал от нас под чужой фамилией на другую работу, на другую борьбу.

На смену выдвинулся новый товарищ — это уже третий и последний председатель стачечного комитета т. Андрей Петухов.

Как сейчас стоит он перед моими глазами: богатырски сложенный, громаднейшего роста, с светлыми вьющимися волосами. Он был петроградский рабочий. За участие в первомайской демонстрации он был выслан в Сибирь в Приленский край. С кажущейся апатией начинал он бывало разъяснять собравшимся на митинг 2—3 тыс. приискателей о возникших тормозах грандиознейшей забастовки. Ему не нужно было лазить на бочку, он был выше всех на целую голову. Ему не нужно было напрягаться до хрипоты, его спокойно, но крепко сказанные слова были отчетливо слышны за целую версту даже против ветра. Таков был т. Петухов. Это был один из авторитетнейших товарищей, спокойный, вдумчивый руководитель рабочей массы. Он довел до конца забастовку и не уехал с приисков до тех пор, пока не вывезены были последние партии рабочих. Благодаря его спокойствию и авторитету среди рабочих эвакуация прошла в безукоризненном порядке. После выезда всех забастовщиков Петухов был арестован Бодайбинской полицией, затем был выпущен под надзор полиции.

Ленский рабочий комитет уполномоченных от рабочих для сношения с сенатором Манухиным во главе с последним председателем центрального стачечного бюро А. Петуховым (лежит справа).

IV. Как администрация „Лензото“, жандармы, министры, царские чиновники срывали забастовку.

В ответ на требования бастующих «Лензото» пошло на уступки и обещало «исполнять требования закона», с которыми оно до сих пор не считалось.

Из объявления « Лензото » рабочим.

...Продовольствие на кухне будет выдаваться на равных условиях со служащими, и при выдаче разрешается присутствовать выборному от рабочих. Для мастеровых выписка будет производиться в особые дни.

Казармы будут устраиваться согласно обязательных постановлений горнозаводского присутствия. Средина казарм и коридоры будут освещаться за счет дела.

Увольняемые рабочие будут удовлетворяться расчетом по закону.

Медицинская помощь будет оказываться без промедления.

Женщин не будут наряжать на работы принудительно, последнее будет делаться только в случаях недостатка желающих.

Таким образом крепостной труд женщин полностью не отменялся, а лишь «по возможности».

Выплачивать ежемесячно полностью зарплату рабочим «Лензото» тоже отказалось.

В телеграмме к этим «уступкам» из Петербурга добавлялось:

Остальные требования отклоняем. Если команда не примет этих условий и не станет на работу во вторник, то произведите полный расчет, прекратите водоотливы. 6 марта 1912 г.

В ответ на такого рода «уступки» собрание выборных на заседании в Народном доме от 9 марта решило забастовку продолжать, а «Лензото» объявило им о расчете.

Объявление от главного промыслового управления.

Главное промысловое управление объявляет всем рабочим «Лензото», самовольно прекратившим работы, что управление от дальнейших переговоров с забастовавшими рабочими отказывается, считает, что со стороны рабочих нарушены условия найма и объявляет, что всем рабочим, не вышедшим на работу 8 марта в установленное время, предлагается явиться в надлежащие конторы за получением причитающихся им денег и документов. Неявившимся за расчетом из числа тех, которые не вышли на работы 8 марта, таковой после 12 часов дня 10 марта будет произведен через гг. горных исправников, которым и будут присланы деньги и документы.

Исп. О. главноуправляющего промыслами горный инженер
Теппан.

Горный инженер, обязанностью которого было следить за охраной труда рабочих, вместо этого грозит им тюрьмой.

Объявление.

Так как приисковые рабочие «Лензото» по моему требованию и предложению управления в назначенный срок к работам не приступили, то с этого момента они подлежат ответственности по ст. 367 уголовного уложения (заключению в тюрьме), те же из них, которые возбуждают рабочих к продолжению стачки, будут ответствовать по пункту 3 ст. 125 того же уложения (заключение в исправительном доме или заключение в крепости). О чем объявляю всем рабочим во всеобщее сведение.

Окружной инженер Олекминского горного округа
П. Александров.

Прийск Надеждинский
8 марта 1912 г.

Извлечение из устава уголовного уложения.

Глава пятая. О смуте. Ст. 125, пункт 3. «Возбуждение рабочих к устройству или продолжению стачки, статьею 367 предусмотренной, наказывается заключением в исправительном доме или заключением в крепости». Глава семнадцатая О нарушении

постановления о личном найме, ст. 367. «Рабочие на заводе, фабрике, горном промысле, в железнодорожных, портовых и тому подобных мастерских или вообще в таком предприятии, прекращение деятельности коего может неблагоприятно отразиться на интересах местного населения, виновные в прекращении работы по соглашению между собою с целью принудить предпринимателя к возвышению заработной платы до истечения срока найма или к изменению других условий найма до истечения сего срока, за сию стачку наказываются заключением в тюрьме на срок не свыше шести месяцев...»

Рабочих лишают продовольствия и выселяют в тайгу.

Рабочим 2-й дистанции «Лензото».

На заявление рабочих от 20 марта 1912 г. относительно выдачи пищевого довольствия тем из бывших рабочих «Лензото», которые не имеют по книжкам никаких додач, разъясняю:

...Мне сообщали, что забастовщики обещали прокармливать за свой счет тех неимущих, которые примкнут к забастовке, поэтому я рекомендую забастовавшим рабочим исполнить свое обещание, или же неимущим выйти на работы для отработки своего пищевого довольствия...

Окружной инженер Александров.

20 марта 1912 г.

Мировой судья 15 марта приговорил 32 рабочих к выселению.

Постановление об одном из выселяемых.

По указу его императорского величества 1912 г. марта 15-го дня мировой судья 2-го участка Олекминского золотопромышленного района, округа Иркутского окружного суда, рассмотрев настоящее дело по иску «Лензото» о выселении из казарм и с приисков рабочего Егора Остапина за отказ от выхода на работы вследствие стачки, продолжающейся более 10 дней, и неисполнение контракта, нашел объяснениями самого ответчика, что он действительно не выходит на работы вследствие стачки, нарушение последним договора личного найма установленным, а потому и обязанным очистить квартиру и выселиться с приисков истца, признавая посему иск подлежащим удовлетворению на основании ст. 81, 105, 129 138 уст. гражд. суд. и 569, 2201, т. X, св. законов определил: Егора Григорьева Остапина выселить немедленно из казармы и с приисков «Лензото» и взыскать с него в пользу последнего три рубля судебных и за ведение дела издержек, подвергнув решение предварительному исполнению.

Мировой судья Хитун.

Выселение рабочих из казарм и прекращение выдачи продовольствия в тот момент было равносильно объявлению смертного приговора. Началась распутица, и выехать из района приисков было невозможно в течение еще двух месяцев. Следовательно рабочие выгонялись прямо в тайгу. Так же обстояло и с продовольствием, так как его негде было получить, кроме приисковых лавок.

Рабочие протестуют перед центральной администрацией.

Телеграмма рабочих в С.-Петербург в горный департамент.

Следствие не производится, отказывают продовольствия, возможно выдворят из квартиры. Жилого места вблизи нет, просим вывести нас до железной дороги, произвести расчет по 10 сентября как за рабочие дни, ибо контракт нарушен «Лензото». Имеем данные. Ждем ответ.

8 000 рабочих.

Заявление рабочих иркутскому генерал-губернатору, копия горное управление.

Просим вашего распоряжения. Продовольствие семейным для жен детей не выдается, 10 марта объявлен расчет — не выдают до сих пор. Следствие производится без участия рабочих как свидетелей и не на месте работ, полицейские власти насилуют на работу. Вызывающие поступки полиции волнуют нас.

В ответ на протест рабочие получают провокаторский совет.

Телеграмма иркутского губернатора рабочим «Лензото».

«Волноваться незачем. Становитесь на работу, что не исключает предъявления исков к «Лензото». Надо было заявить свои претензии в бытность мою летом в Бодайбо. № 27. 1 апреля 1912 г.

Губернатор Бантыш.

Более действительным средством протеста оказалась рабочая демонстрация.

Из воспоминаний Баташева.

18 или 19 марта согласно постановления мирового судьи Хитуна должно было производиться выселение ленских рабочих на Феодосиевском прииске из казарм. Имея в виду, что выселение рабочих из казарм равносильно голодной смерти,

мы предупредили выселяемых и предложили им сказать, что их в данный момент нет на месте, и в то же время рабочие всего прииска должны, выходя из бараков, окружить исправника, полицию, воинскую команду, завести с ним переговоры, пока сбежится весь прииск и тесным кольцом окружит исправника с его командой. Так и сделали. Исправник, оказавшись в кольце, растерялся, солдаты недоумевали. Развернуться было негде. Кругом рабочие, и по дороге видно было бегущих сюда рабочих со всех концов. Создавалось впечатление, что клубок с каждым моментом растет и конца еще не видно. Исправником была брошена фраза: «кто законам не подчиняется, тот против царя». «Ружья на руку», — раздалась команда офицера Санжеренко. Бледные солдаты исполнили приказание, но винтовки в руках дрожали. Дальше команда оборвалась. Волной двинулись рабочие сзади к солдатам. Растерявшийся исправник был застигнут врасплох. Грозила большая опасность. «Поймите, я не могу... Мне предписывают. Закон...» каким-то подавленным голосом говорил исправник и наконец в отчаянии крикнул: «Я не буду выселять. Разойдитесь». «Так-то лучше», — раздалось в толпе. Между прочим рабочие пытались заговаривать с солдатами. Исправник торопил солдат скорее уходить. Это произошло между часом и двумя часами дня.

Демонстрация подействовала: выселение прекратили, продовольствие стали давать.

Телеграмма иркутского губернатора министру внутренних дел Макарову от 25 марта 1912 г.

...Самое выселение рабочих по приговорам мировых судей нельзя приноравливать к такому же действию в других населенных местах. Во-первых, нигде нет квартир, куда рабочие могли бы переехать, ни магазинов, кроме «Лензото», где можно было бы приобрести продукты первой необходимости, не говоря о том, что у должников нет заработанных денег.

...Затем надо себе представить насильственное выдворение из округа семей рабочих с их вещами при наличности военно-полицейской охраны. Причем от Бодайбо надо вести лошадей при полном бездорожьи триста верст до Витима по совершенно безлюдной тайге, где абсолютно нельзя достать ни фуража лошадям, ни пищевых продуктов людям. Принимая даже во внимание полное содействие со стороны промыслового управления, что физически неисполнимо: ведь надо к выселяемым прибавить соответственный конвой, благодаря чему уменьшится военно-полицейская охрана на приисках и в городе Бодайбо.

...Вообще теоретически эта мера может быть чрезвычайно желательной, в особенности для «Лензото», и при возможности ее выполнения оказала бы бесспорно существенное влияние на прекращение забастовки, но вопрос в том, как ее фактически привести в исполнение и какими мотивами я должен буду оправдываться в доказательство закономерности и целесообразности моих по этому поводу распоряжений.

...Обязывать «Лензото» кормить забастовщиков за свой счет я не могу, но вызывать бунт на почве голода между должниками «Лензото» я тоже не могу... № 9.

Бантыш.

Администрация «Лензото» и правительство подготовляют расстрел бастующих.

Телеграмма правления «Лензото» иркутскому губернатору. от 5 марта 1912 г.

...Просим ваше превосходительство оказать скорейшее содействие посылке из Киренска на подводах, хотя бы за счет товарищества, достаточного числа солдат для предотвращения беспорядков, а также о немедленном удалении из приискового района политически неблагонадежного элемента.

Правление Ленского товарищества.

Телеграмма министра торговли командующему войсками иркутского округа от 7 марта 1912 г.

Ввиду всеобщей забастовки на приисках «Лензото» в предупреждение возникновения беспорядков, могущих привести в расстройство крупнейшее золотопромышленное предприятие, и для защиты желающих стать на работу покорнейше прошу ваше превосходительство, не признаете ли возможным озаботиться усилением воинской команды в районе приисков товарищества.

Министр торговли Тимашев.

Телеграмма окружного инженера и горного исправника иркутскому губернатору от 8 марта 1912 г.

...Находим необходимым немедленную присылку на прииска из Киренска роты, а в крайнем случае не менее ста. Расходы по перевозке и содержанию солдат «Лензото» принимает свой счет. «Лензото» просит выдворить приисков отказавшихся рабочих, чего при наличных силах выполнить невозможно.

Войска были посланы в середине марта, но «защитнику рабочих» окружному инженеру Тульчинскому это казалось мало, и он просит прислать казаков.

Телеграмма Тульчинского иркутскому губернатору от 3 апреля 1912 г.

Полагал бы необходимым устранение возможных будущем осложнений немедленную посылку сюда сотни казаков. 3 апреля 10 вечера.

Тульчинский.

Царское правительство посылает специалиста по расстрелам — жандармского ротмистра Трещенкова.

Телеграмма иркутского губернатора департаменту полиции от 21 марта 1912 г.

...Прошу также доложить министру о необходимости назначения помощника начальника губернского жандармского управления ротмистра Трещенкова, командированного в Бодайбо, начальником полиции Витимско-олекминского золотопромышленного района временно до прекращения забастовки с подчинением ему обоих исправников и всей горной полиции. Возбуждаю это срочное ходатайство по соглашению с начальником губернского жандармского управления.

...Целесообразность такой концентрации оправдывается особыми местными условиями отдаленности края, сравнительной ограниченностью военно-полицейских сил, оценкой способности и характера местных исправников. № 3.

Губернатор Бантыш.

Телеграмма товарища министра внутренних дел иркутскому губернатору от 22 марта 1912 г.

№ 16736. На депеши 20 и 21 марта 2604 и 3. К назначению ротмистра Трещенкова временным до прекращения забастовки начальником полиции Витимско-олекминского золотопромышленного района с подчинением ему обоих исправников и всей горной полиции препятствий нет...

За министра внутренних дел, тов. мин. Золотарев.

Телеграмма товарищу министра внутренних дел иркутскому губернатору от 23 марта 1912 г.

... Поручаю вашему превосходительству, в ответ на № 5, безотлагательно дать ротмистру Трещенкову определенные директивы для локализации забастовки, прекращения со сто-

роны забастовщиков всякого рода незакономерных выступлений и выполнений законных постановлений судебной власти. № 157.

За министра внутренних дел тов. мин. Золотарев.

Телеграмма начальника иркутского жандармского управления в Бодайбо жандармскому ротмистру Трещенкову.

Разрешением министра внутренних дел вы назначены начальником всей полиции Витимского и Олекминского районов с подчинением вам исправников всей горной полиции. Обязаны в дальнейшем подчиняться губернатору, действуя по его указаниям. Последующие донесения по ходу дела предоставляйте телеграфно губернатору непосредственно, копии мне. Ожидайте дальнейших указаний завтра. № 1350.

Начальник иркутского жандармского управления

полковник Познанский.

Из телеграммы иркутского губернатора жандармскому ротмистру Трещенкову.

...Высылаю телеграфно на Государственный банк пятьсот сметного кредита, каковой можете расходовать на телеграф. № 815.

Губернатор Бантыш.

Телеграмма министру внутренних дел от 24 марта 1912 г.

...С ротмистром Трещенковым по соглашению с начальником жандармского управления сделаны необходимые предварительные сношения. По получении ожидаемых мною сведений от инженера Тульчинского, ротмистра Трещенкова, прокурора (откомандировавшего товарища) я смогу дать Трещенкову определенные директивы, каковые лишь тогда и достигнут локализации забастовки согласно телеграммы № 157.

Губернатор Бантыш.

О подготовляемом расстреле говорили не стесняясь.

Из протокола допроса мирового судьи Рейна от 16 июля 1912 г. комиссии Манухина.

...В другой раз у Теппана Трещенков за обедом разъяснял, что есть сенаторское решение, допускающее стрельбу и по мирной толпе. Взгляд г. Теппана на лучший способ расправы с забастовщиками определился фразой, произнесенной им, как мне передавал исправник Галкин, в посетительской в при-

сутствии нескольких лиц, в числе коих был и окружной инженер Александров: «Для того мирового дела можно было расстрелять человек 20—30...»

20 марта, в бытность мою на Надеждинском у г. Хитуна, он, шутя, сказал: «А у нас доктора вчера уже перевязочные средства заготовляли». Такой же слух был после 4 апреля.

Из телеграммы чиновника особых поручений иркутскому губернатору от 3 мая 1912 г.

Исправник Галкин. ...Отношение к рабочим как Трещенкова, так и офицеров было все время вызывающее. Так 19 марта, когда было собрание рабочих, аналогичное движению 4 апреля, и была вызвана воинская команда, я ездил от одной толпы к другой, уговаривая их разойтись; угроз со стороны рабочих не было. Разговаривая с толпой, я заметил, что она вдруг вся легла; обернувшись назад, я увидел, что солдаты держат винтовки на изготовке; я подъехал к офицеру и попросил отставить. Вечером, когда все успокоилось и рабочие разошлись, я проезжал мимо офицера Санжеренко, который спросил: «Что — этим все кончилось? Жаль, не пришлось даже рук погреть!» Трещенков, когда приехал, сказал: «Я имею указание губернатора подавлять забастовку силою оружия». Вообще он с рабочими держит себя грубо, иначе, как «шваль», «дрянь», о них не говорит. Столуется он у Теппана.

Мировой судья Рейн. Прежде чем говорить о 4 апреле, охарактеризую отношение и состав присутствовавшей власти. Трещенков, приехав сюда, все время говорил: «Ну, какая это забастовка! Я не с такими справлялся! Эту всю шваль я быстро призову к порядку!» Начальник команды, подвизавшийся в Р., рассказывал о своих подвигах в Якутске; говорил, что здесь без кровопускания не обойдется. Санжеренко рассказывал о своих расстрелах в Варшаве. Инженер Александров обещал показать на следствии, что слышал, как Теппан говорил, что деятельность «Лензото» настолько важна для государства, что можно уложить для спасения дела человек шестьдесят...

Арестами, поощрением штрейкбрехерства пытались дезорганизовать бастующих.

Телеграмма инженера Тульчинского иркутскому губернатору от 2 апреля 1912 г.

Сегодня работало механических 43 водяных канавах 110. Обходил совместно с Трещенковым казармы Андреевского, Прокопьевского. Замечается постепенный внутренний разлад

среди бастующих. Арестование некоторых, оказывающих вредное влияние, представляется желательным...

Тульчинский.

Телеграмма иркутского губернатора министру внутренних дел Макарову от 4 апреля 1912 г.

Учтя последние события в Бодайбо, распорядился начать срочные, не терпящие отлагательства работы на Феодосиевском прииске вновь нанятыми рабочими, около 100 человек, под охраной воинских сил; это послужило к началу, правда, нерешительному, возобновления работ в некоторых мастерских. Поползновений снятия рабочих в Феодосиевском прииске не было. Предложил горному надзору в порядке постепенности, не разбрасываясь, всемерно культивировать вышеуказанную меру. Ныне можно констатировать первое появление признаков разложения забастовочного движения. В этих видах мною 2 апреля была послана телеграмма ротмистру Трещенкову произвести аресты стачечного комитета...

Таким образом я решил использовать совпадение раскола между рабочими с последними уступками, сделанными «Лензото»; в распоряжении своем об аресте стачечного комитета, по соглашению с прокурором палаты, предоставил ротмистру Трещенкову, по соглашению с товарищем прокурора Преображенским, избрать наиболее удобный момент ареста в зависимости от более для них ясного учета окружающей обстановки, т. е. предпослать ли арест объявлению уступок или наоборот. Сегодня получил телеграмму ротмистра Трещенкова, что арест произведен ночью...

Бантыш.

Лживыми обещаниями стремились сорвать стачку.

Из воспоминаний Баташева.

На арене приисковой жизни появились коршун и соловей. На Андреевском прииске, вылезая из вагона, божественно заливался соловей Тульчинский, призывая приискателей к богу и к труду. Звеня шпорами, брюхатый коршун Трещенков гаркнул: «Я ни таких уговаривал! А этих сволочей в три счета уговорю...» Так встретили приискателей прибывшие царские служаки...

Через день или через два мы, выборные, были приглашены на Успенский прииск к Тульчинскому. Перед тем как итти к Тульчинскому, выборные должны были собраться на Андреевском прииске, где должны были наметить наше поведение и уполномочить товарищей для переговоров. Я дол-

жен был сделать заявление от приисков о ходе забастовки. Заслушиваем ответ Тульчинского, передаем на обсуждение приисков. В полемику не вступаем.

В шестом часу передаем Тульчинскому решение забастовщиков. В приемной у Тульчинского над дверями в объемистый зал красуется надпись золотыми славянскими буквами, не помню какое-то евангельское изречение. Выходя к нам, как радушный хозяин он предложил нам раздеться и провел в большой зал. Он очень извинился, что не может предложить нам чая, так как боится побеспокоить своего старого слугу. Потом он нам заявил:

— Вчера здесь было тоже совещание. Были представители «Лензото» и начальствующие. Я им предложил скромное угощение и беседовал с ними о забастовке. Вас же я мог бы угостить так же, как и их, — вы и они для меня равны: у тех и других недовольство создавшимся положением. Не угощаю я вас еще и потому, чтобы приискатели, узнавши об этом, не могли истолковать угощение в дурную сторону.

— Итак, позвольте мне как хозяину дома руководить собравшимися, но перед этим я выскажу вам о том, что меня заставило поехать в С.-Петербург. Прежде чем...

И «соловей» залился...

Он описал свою жизнь с детства и по данный момент. Просил нас не оглашать сказанного сколько-то лет — не помню, 5 или 3 года. Перечитал целую папку переписки, разных телеграмм и пр. Я попытался перебить его, но, получив от товарищей замечание, вручил только заявление женщин. Он ласковыми словами ползал по заявлению, со слезами в горле говорил о женщине, как о матери и ее святом назначении, выражал скорбь. Говорил вкрадчивым тихим голосом, точно он в приливе нежных чувств жаловался на свою судьбу любимой женщине, ожидая от нее участия и ласки. Окинул нас печальным взглядом, кашлянул, запил водой, поперхнулся, и снова поползла скользкая, сладкая речь. Вот он приехал на прииски. Ему одному трудно было бороться с ленцами.

— Конечно забастовка — несчастье, от которого страдает и та и другая сторона. Теперь мне известны ваши нужды, я за них боролся, но был одинок. Теперь с вами мы можем указать, что и для ленцев законы писаны. Хоть и плохие наши законы, но теперь мы сумеем заставить уважать законы.

И опять про себя и опять про борьбу с ленцами. Это словословие длилось около 7 часов, все время говорил только Тульчинский; наконец, глянув на часы, он стал уговаривать нас пособить ему уговорить вместе с ним рабочих стать на работы, что договор нарушен «Лензото», он признает и т. д. Как только приискатели выйдут на работу, так он обещает сделать все, что от него зависит.

— А теперь... — он снова посмотрел на часы, — сейчас ударят к утренней (дело было под пасху), время уже позднее, и вам нужно встретить пасху, а на четвертый день с богом на работу. Я сам завтра объеду прииски и сам буду просить рабочих стать на работы, чтобы в дальнейшем я мог приносить пользу.

Ударили колокола. Тульчинский перекрестился и сказал:

— Я верю в бога, хотя раньше был неверующим. Вам покажется странным, что я, кончив два высших учебных заведения, верующий. После одного со мною случая я вдруг уверовал, и моя вера не покидает меня.

Раскатные (так звали на приисках возчиков) стали стучать в двери, торопя нас скорее ехать.

— Я пойду к утренней. Вам тоже пора к семьям, в церковь... Заканчивая, Тульчинский еще раз подчеркнул: — Завтра я поеду по приискам.

Нас торопили. Было поздно. Мы не успели даже обменяться мнением, как в дверях появился одетый Тульчинский. У подъезда стояли повозки. Возчики нетерпеливо ожидали, чтобы поскорее увезти нас и добраться на ночлег. Не успев сговориться, мы разъехались по местам, полагая на месте, на общих собраниях обсудить сказанное и вынести общее определенное решение. В дальнейшем эта спешность имела свои дурные последствия.

Но увы! Нам, забастовочному комитету, не надо было собирать общего собрания и съезжаться для решения, так как сами рабочие его предупредили. Васильевский прииск принял сначала Тульчинского хорошо. Рабочие слушали его с напряженным любопытством, но когда он подошел к тому, что стал давать обещания и приглашать их на работу, рабочие загудели: «Слыхали мы обещания...» — И сколько он ни говорил, что судом можно взыскать с «Лензото» за нарушение договора, при условии если только рабочие станут на работу, рабочие его слушать не хотели. Приискатели за время забастовки отвыкли верить чиновникам, теперь же у них закралась мысль, так как Тульчинский им сказал, что выборные — за прекращение забастовки, уж не обманывают ли и выборные.

Как видно, когда мы находились у Тульчинского, в ночь под пасху, уже работали тайные руки, распространяя слух, что выборные — за прекращение забастовки. Не дослушав Тульчинского, приискатели стали растекаться по баракам.

Не разобрав, в чем дело, и не спросив у выборных, так ли это, рабочие тут же, помимо выборных, разослали по приискам гонцов с запиской, говоря: «Выборные за то, чтобы стать на работы». Придя утром на Феодосиевский прииск, я зашел в барак. Рабочие других приисков встретили меня

враждебно и спросили: «Правда ли, что выборные будут приглашать, чтобы рабочие вышли на работу на четвертый день пасхи?»

— Ничего подобного! Мы выбраны для ведения забастовки, а не для приглашения на работы, вы это знаете. Без ведома всех рабочих мы такого решения давать не имеем права, — ответил я.

Надо было отдать должное господину Тульчинскому, что его удар был рассчитан верно. С утра 24 марта руководящая часть забастовкой, в количестве 60 с лишним человек, была снята и направлена на Андреевский на совещание, а затем и к Тульчинскому, где пробыла до начала утренней обедни; таким образом чуть ли не целые сутки прииски были оголены, и провокации о выборных могли свободно расползаться по приискам. Вот почему Тульчинский так долго говорил. Он рассчитывал оттянуть у нас время до ночи, а ночью и через церковь и по дороге пустить слух о выборных. Удар был настолько силен и настолько неожиданный, что он чуть-чуть не сорвал забастовку. В данном случае Тульчинский превзошел всех своих коллег по провокации.

Из воспоминаний выборного Бавыкина.

Разлад между выборными начался потому, что часть их была склонна приступить к работам. Этот разлад начался после совещания у Тульчинского 24 марта. Тульчинский свою аргументацию вел приблизительно так: «Я бы рад для вас, господа, сделать все, что можно, но видите: вот телеграмма, что она говорит? Она говорит о необходимости поддерживать производство, а не нажимать на него». В общем он поколебал единство мнения среди выборных. Отношение рабочих к разладу между выборными было единодушное; во-первых, забастовку продолжать, во-вторых, с частью выборных, стоявших за начало работ, перестали считаться как с подкупленными администрацией.

Провокационная затея сорвалась. Центральное стачечное бюро постановило: стачку продолжать.

V. Аресты выборных и расстрел рабочих.

«Отважная борьба павших в далекой тайге от царских пуль товарищей не забыта победившим пролетариатом. Оглядываясь на пройденный путь, рабочие Союза могут сказать: ни одна капля рабочей крови бодайбинцев не пропала даром».

(Сталин).

Телеграмма начальника иркутского жандармского управления в Бодайбо ротмистру Трещенкову от 2 апреля 1912 г.

Директор департамента полиции телеграфирует мне: «Предложите непосредственно ротмистру Трещенкову немедленно ликвидировать стачечный комитет; если не будет данных для дознания или следствия, возбудите охранную переписку». Об этом сообщаю. № 1436.

Полковник Познанский.

Из показаний, данных ротмистром Трещенковым чиновнику особых поручений от 3 мая 1912 г.

... Арест стачечного комитета я произвел бы, если бы и не получил телеграммы от губернатора, так как имел предписание от департамента полиции немедленно ликвидировать стачечный комитет; я как жандармский офицер (хотя и назначенный губернатором начальником полиции) не выхожу из подчинения своего прямого начальства. Тульчинский сам настаивал на аресте, а когда вернулся с Феодосиевского прииска, то сказал, что это — форменный бунт.

Картина ареста выборных.

Из протокола допроса чиновника особых поручений Майшем мирового судьи Рейна 3 мая 1912 г.

...Был разбужен Мимоглядов; на столе у него оказалось большое количество прошений рабочих на имя товарища прокурора, совершенно однородных по содержанию, указывающих

на участие просителя в забастовке вследствие нарушения Ленским золотопромышленным товариществом договора найма и на отсутствие в среде их зачинщиков. По окончании обыска исправником было приказано Мимоглядову одеться. Последний в спокойной форме протествовал против задержания, указывая на то, что они все выбраны по распоряжению исправника и окружного инженера Александрова для избежания необходимости беседы начальства с толпою. Я не мог вмешиваться в распоряжения исправника, так как арест производился по постановлению и с ведома прокурорского надзора. Тем временем у следующей (внизу) казармы собралась толпа высыпавших из нее рабочих; они желали говорить со мной. Сначала заговорили шумно, а когда я объявил, что не буду говорить со всеми, они смолкли, и уже отдельные лица стали взволнованными голосами объяснять: «Зачем вы приходите к нам ночью, да еще с солдатами, нарушаете наш покой, когда мы мирно бастуем, никого не трогаем; пошлите нам повестки, но днем, а не ночью, — мы придем». На эти вполне резонные заявления я мог только ответить, что мы исполняем лишь требования подлежащих властей. Говорили, что в этой именно казарме помещался подлежавший задержанию Быков — помощник председателя Зеленко. Решено было вниз не ходить, а отправиться на прииск Нововасильевский в предположении, что там рабочие еще спят, и тем более, что близился рассвет. Там были произведены обыски у трех рабочих; как я слышал потом от исправника Галкина, разделившего со мной труд обыска, у одного из этих трех была доверенность, кажется, от рабочих той же казармы. Тут обитатели уже все поднялись, стали чай варить; некоторые были возбуждены, спрашивали довольно грубо о причинах задержания трех товарищей, один из рабочих закричал: «Ну, все, и бабы и ребята — выходите, всех забирайте, коли их забираете!» Со стороны Надеждинского подходил поезд с арестованными там членами стачечного комитета. Мы поторопились к поезду. Рабочие стали собираться и тоже тронулись группами за нами. Доставленные с Надеждинского шесть арестованных были пересажены в наш поезд...

3 мая за обедом у г. Хитуна ротмистр Трещенков сообщил нам, будто бы в Ленском золотопромышленном товариществе имеют участие вдовствующая императрица, великие князья, Витте и др., заявил, что «нужно держать ухо востро».

Не раз Трещенков говорил, что он участвовал в усмирении восьми забастовок, между прочим, служа еще в полку, находился в строю 9 января при разгоне скопища, предводимого Гапоном на Дворцовой площади, говорил, что тогда несколько сот убитых не было показано. Это последнее обстоятельство он указывал, когда по следствию о событии 4 апреля получи-

лись сведения о превышении числа погребенных над числом отпетых по списку, сообщенному полицией священнику...

18 апреля при передаче мне следствия в г. Бодайбо, г. Преображенский между прочим сказал, что штабс-капитан Санжеренко, обходя сзади солдат, грозил пристрелить того, кто будет плохо целить.

М. Рейн.

Заявление рабочих, поданное Тульчинскому лично в толпе в 5 часов дня во время стрельбы 4 апреля (до выстрелов).

Ввиду того, что за последнее время полиция и администрация врываются с воинской силой в наши казармы и нарушают мирное течение нашей жизни, перепугивая наши семьи, и своими действиями вызывают нас к обострению, которое может привести к печальным и нежелательным последствиям, мы, бывшие рабочие Ленского золотопромышленного товарищества, решили через вас, господина окружного инженера, объявить блюстителям порядка, что работу мы прекратили по вине Ленского золотопромышленного товарищества, управление, которого нарушило наш договор и объявило нас рассчитанными, прервав с нами всякие сношения. Нарушения эти признали и вы. Вновь поступать на старых условиях не желаем, а свое право будем искать по суду. За все 35 неработанных дней среди нас не появилось ни малейшего беспорядка и насилия, никаких главарей и подстрекателей у нас нет, если же наши охранители ищут среди нас таковых, то это не главари, а те, которых по требованию г. исправника мы послали для объяснения с администрацией, который заявил, что со всеми нами, как с баранами, говорить не желает. Вы также потребовали на объяснение послать некоторых лиц, но не всех. Если почему-либо найдут нужным арестовать нескольких лиц, как говорит начальство, для объяснений, то мы просим делать эти объяснения не ночью набегом, а к вашим и ихним услугам днем и не с отдельными лицами, а со всеми нами, так как мы действуем каждый по своему убеждению и своей личной совести; примером служат те лица, которые хотели работать, те и работают, мы не препятствуем им, а всего ясней то, что мы, каждый в отдельности, от себя дали письменное заявления товарищу прокурора. За тишиной и порядком наблюдаем строго сами за собой. Заявляем вам: если еще нашими охранителями повторится попытка арестовать наших так называемых «главарей», то это будет провокация со стороны наших охранителей. Вас просим: внемлите нашему гласу. «Глас народа — глас божий». Мы просим нас не охранять, так как мы сами себя охраняем. Копию с этого заявления мы оповестим миру. Если пожелаете наши подписи, мы по первому требованию таковые представим.

Бывшие рабочие Ленского золотопромышленного товарищества в том подписуемся Андреевского прииска Пророко-ильинского прииска, Александровского прииска.

Телеграммы рабочих.

1. Начальнику иркутского горного управления от 4 апреля 1912 г.

В ночь 4 апреля были произведены аресты бывших выборных рабочих, ведущих переговоры и выбранных по предложению исправника и окружного инженера. Вот, ввиду того, что кто заявляет или передает заявления от всех, их арестовывают, мы, рабочие, пошли с заявлениями на Надеждинский прииск к товарищу прокурора, где, не доходя места пребывания прокурора, были остановлены окружным инженером Тульчинским, вручили заявление и просили доложить прокурору от рабочих о заявлении. В то время раздались выстрелы со стороны стоявших войск, расстояние сто пятьдесят сажен, без всяких предупреждений начальствующих войсками. При первом выстреле все положились на землю с окружным инженером, которого спасли от смерти только трупы рабочих. Вместе с ним лежал стражник, которого ранили. Не обращая внимания, что рабочие лежали на земле и во время перерыва ползли обратно, они продолжали стрелять беспрерывно. Поднято трупов до ста пятидесяти, ранено до двухсот пятидесяти. Всякие попытки предъявить иск к «Лензото» с нашей стороны полиция вырывает с корнем, арестовывает лиц, знающих юриспруденцию, для составления искового посылаем прошение. Не выдают расчета, мы находимся в беспомощном положении, взываем воплями жен и детей убитых и раненых о нашей защите. Разрешите отдать последний долг убитым нашим товарищам, похоронить нам.

Бывшие рабочие «Лензото» второй дистанции.

2. Председателю совета министров, министру юстиции, министру торговли, членам Государственной думы Милюкову, Гегечкори.

4 апреля мы, рабочие «Лензото», шли на Надеждинский прииск с жалобами товарищу прокурора Преображенскому о незакономерных действиях приисковой и правительственной администрации и с просьбой об освобождении арестованных, избранных по предложению властей. Не дойдя 120 сажен до квартиры прокурора, нас встретил окружный инженер Тульчинский, уговаривая во избежание столкновения с войсками остано-

виться и разойтись; передние, повинуясь, стремились остановиться, но трехтысячная толпа, растянувшаяся за две версты по узкой дороге, не зная причины остановки передних, продолжала напирать, увлекая Тульчинского со стражником, не слыша даже предупреждающих сигналов начальника воинской команды. Последовали залпы, продолжавшиеся, несмотря на крики и махание фуражкой и платком Тульчинского прекратить пальбу. В результате около пяти сот убитых и раненых. Тульчинский уцелел чудом под трупами. Считаем виновниками происшедшего ротмистра Трещенкова, товарища прокурора Преображенского, следователя-судью Хитуна, употребивших оружие, не убедившись в наших мирных намерениях. Ввиду весеннего перерыва сообщения с краем просим немедленного назначения судьи, непричастного событиям, с полномочиями следователя; сообщение Киренск — Витим — Бодайбо еще возможно не долее недели; промедление с приступом к следствию до навигации крайне затруднит выяснение истины.

Избранный рабочих «Лензото», раненый Михаил Лебедев, номер расчетной книжки 268.

3. Членам Государственной думы Гегечкори, Родзянко, Ляхницкому, Милюкову, Маклакову, Родичеву, Белоусову.

В дополнение к телеграмме иркутскому депутату Белоусову сообщаем. Мы мирно ждали полного расчета, обратились к иркутской адвокатуре за законной защитой предъявлением иска к «Лензото» за нарушение договора. В конце марта присланы солдаты и жандармский ротмистр Трещенков с полномочиями начальника полиции. Наши выборные пытались переговорить с ротмистром о наших нуждах, — последний затопал ногами и с площадной бранью выгнал. Третьего сего апреля, якобы за неявку к следователю для допроса, на основании 381-й статьи Уголовного судопроизводства, наши выборные арестованы и препровождены в бодайбинскую тюрьму десять человек; между тем повесток о явке даже не получали. Считая арест незаконным, мы четвертого направились на Надеждинский прииск к окружному инженеру Тульчинскому и ротмистру с просьбой освободить арестованных; во время переговоров Тульчинского с толпой раздалась команда: «Пли»,— двести семьдесят убитых, двести пятьдесят раненых, Тульчинский уцелел чудом, раненые умирают. После первого залпа толпа полегла, Тульчинский лежал среди толпы, стреляли в лежачих; в убежавших вдогонку выпустили по пятнадцати пуль каждый; убиты также женщины, две ранены в помещении; убит в толпе стражник. Повторяем, никаких насилий мы себе не позволяли целый месяц. Вопли отчаяния вдов, сирот. Окружающее население в паническом ужасе, мирные рабочие тер-

роризованы, краю грозит разгром, немедленно внесите спешный запрос правительству, добивайтесь немедленного расследования систематически незакономерных действий управления «Лензото», приведших на основании приложения 661-й статьи горного устава к отказу рабочих работать, и вопиюще преступного зверского образа действий ротмистра Трещенкова, расстрелявшего мирных граждан и ходатайствующего ныне о введении военного положения и присылке войск Иркутска.

Представитель рабочих «Лензото» Б а т а ш е в.

Телеграмма из Бодайбо чиновника особых поручений Майша иркутскому губернатору 3 мая 1912 г.

...Движение толпы с Александровского на Надеждинский прииск происходило по дороге шириной четыре сажени; вдоль нее слева были штабели леса, отделенные деревянной изгородью; справа — канава, заполненная снегом, — таким образом толпа была в дефиле и представляла ленту длиною до версты. Впереди головы толпы был мост, расстояние до которого в момент стрельбы было 20 шагов. Воинская команда была вызвана за десять минут до стрельбы. Когда Трещенков посылал стражника, чтобы направить толпу нижней дорогой, хвост последней уже миновал эту дорогу...

Во время стрельбы часть рабочих бросилась, чтобы укрыться за штабелями леса, и сломала деревянную изгородь. Мною установлено при осмотре местности (с чем соглашаются товарищ прокурора и следователь), что палки, взятые в количестве 51 штуки как вещественное доказательство, есть именно обломки этой изгороди. Во время стрельбы часть отступала, о чем есть свидетели; у 40% раненых по характеру ран видно, что они получены в лежачем положении...

Необходимо для следствия осмотреть трупы. Очень трудно вести следствие. Я хорошо понимаю, что товарищу прокурора Преображенскому, Хитуну и Трещенкову надо создать обвинительный материал — иначе их положение ужасное; а потому они, пользуясь служащими «Лензото», громоздят его кучами. Ненормально, что приходится вести следствие под наблюдением товарища прокурора Преображенского, лица заинтересованного. Трещенков под предлогом, что он отвечает за жизнь каждого, присутствует при допросах и осмотрах раненых, что стесняет нормальное течение следствия, так как его боятся. Настроение рабочих в высшей степени подавленное. Из вещественных доказательств доставлено 51 деревянная палка (безусловно обломки изгороди), 19 ломаных кирпичей (Тульчинский, ранее проезжая, видел эти кирпичи). Версия, что толпой было решено напасть

на войска, не выдерживает критики. Не шли бы с голыми руками, имели возможность взять оружие, у многих оно имеется; захватили бы динамит, могли напасть на войска ночью...

А. Б. Майш.

Выдержки из показаний раненых рабочих.

Показания П. А. Орлова.

4 апреля утром на Пророко-ильинский прииск пришла толпа рабочих с Андреевского, Васильевского и Утесистого приисков и условилась с рабочими Пророко-ильинского прииска пойти на Надеждинский прииск к товарищу прокурора с заявлениями, что между рабочими подстрекателей нет, а забастовали они все сами...

Пошли рабочие всех перечисленных приисков на Надеждинский в четвертом часу дня. По дороге к ним присоединились рабочие с Александровского прииска, и таким образом собралась толпа приблизительно в 2 500 человек.

Подходя к народному дому, часть толпы шла по дороге, другая же — меньшая — по полотну железной дороги. На повороте дороги, по которой шла толпа, к ней подбежал инженер Тульчинский и стал разговаривать с передними рабочими. Что он говорил, я не слышал, так как я шел дальше, а потом сел на изгородь у дороги. В то время как часть рабочих разговаривала с Тульчинским, другая часть тут же расселась — кто на штабели дров, кто прямо на снег, а кто и на изгородь,— и стали закуривать. В то же время я услышал сигнальный рожок, как я узнал впоследствии, означавший сбор, и тогда из народного дома выбежали солдаты и построились в линию поперек дороги, ведущей к народному дому, приблизительно саженях в 150 от рабочих. Через несколько минут после этого, без всякого предупреждения, раздался залп, после которого рабочие полегли на землю и поползли спасаться — кто за штабели, кто в какое-нибудь закрытое место. Ни один не бросился вперед к солдатам. После первого залпа Тульчинский махал фуражкой и кричал, чтобы прекратили стрельбу, но тем не менее стрельба продолжалась, но уже не залпами, а пачками, отчего слышалась трескотня выстрелов... Я после первого залпа соскочил с изгороди и пополз под изгородь. В это время я и был ранен, причем пуля попала мне в левую холку и вышла в левой части поясницы. Выходная рана очень длинная и широкая, и до сих пор мне ее бинтуют...

Показание В. В. Сысоева.

Так как выборные от рабочих стали арестовываться, и никто из рабочих не хотел делать от лица рабочих заявления, то все

рабочие решили 4 апреля пойти на Надеждинский прииск и подать просьбы товарищу прокурора об увеличении выдаваемого содержания и об освобождении арестованных товарищей, выбранных нами с разрешения начальства. Всех рабочих пошло несколько тысяч, растянувшихся на большое расстояние. Я шел в середине толпы на расстоянии саженей 100 от первых рядов. Никто из рабочих ничем не был вооружен, шли все мирно, никаких намерений, кроме подачи просьб, у рабочих не было. Никто из рабочих и не предполагал, что возможно столкновение. Я нигде ни от кого не слышал, что солдаты будут стрелять. Ожидать последнего не было оснований, так как забастовка была без всяких насилий, протекала мирно. Толпа рабочих остановилась тогда, когда заиграл сигнальный рожок. Я в это время был на нижней дороге против штабелей. Я видел, как солдаты выбегали из народного дома после сигнала. Мне передавали, что впереди рабочих был инженер Тульчинский, но сам его из-за народа не видел. Вскоре после сигнального рожка последовал ружейный залп, после которого часть рабочих упала, а часть побежала обратно. Вперед бежать было некуда. Криков «ура» не слыхал. После залпа последовали частые выстрелы. Сколько времени они продолжались, определить не могу. Когда я стоял наискось дороги, лицом к первым рядам, и наклонился, чтобы лечь на землю, в это время я почувствовал боль в правом боку под рукой и упал. Оказалось, что я ранен пулей, прошедшей сквозь меня и вышедшей в верхней части левой половины спины. Направление пули, видимо, было снизу вверх. После этого до прекращения стрельбы я лежал. Из посторонних лиц я около места происшествия никого не видел. Пораненый я был доставлен до Александровской больницы...

Показание В. А. Маслова.

...Я был ранен 4 апреля. Мы ходили подавать прошения товарищу прокурора. Такое прошение было и у меня, но я его потерял. Я не могу сказать, когда и кто научил нас подавать такие прошения и пойти на Надеждинский прииск. Я неграмотный. В прошениях наших мы просили увеличить паек семейным и заявили, что никто нас не подговаривал прекращать работу, а забастовали мы только потому, что нас «сжали»: «Пикнуть не стало возможности, жалованья меньше стало, обращались с нами по-собачьи»...

В ночь на 4 апреля у нас арестов не было. Наших двенадцать человек забрали дня за два до этого. Забрали наших выборных, хотя мы выбирали их по приказанию начальства, которое отказывалось объясняться с толпой. После обеда к нам на прииски пришли все рабочие Андреевского прииска; сколько

Шествие рабочих к Надеждинскому прииску в день расстрела.

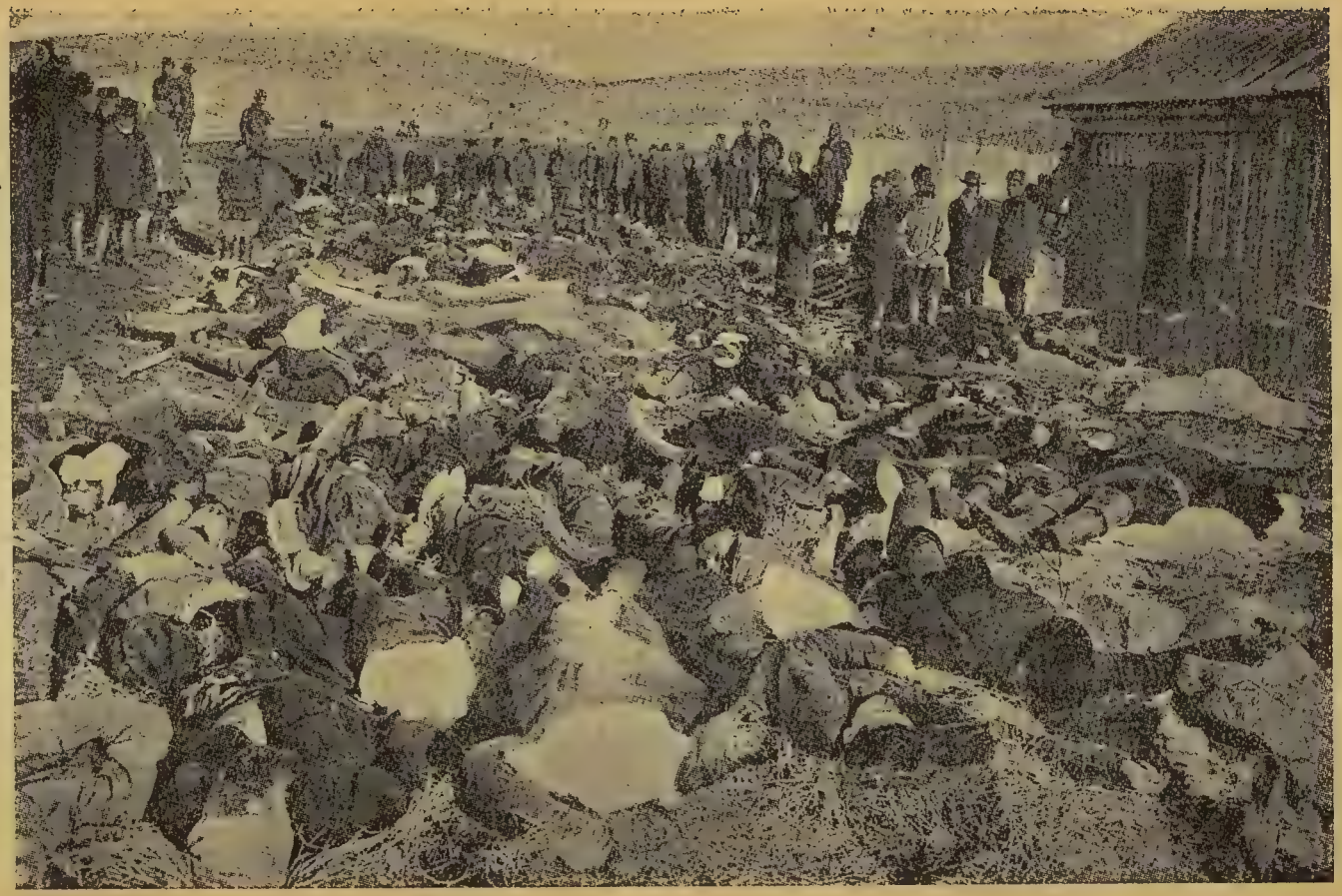
их было, — не могу сказать. Мы присоединились к ним в числе около 600 человек и вместе пошли на Александровский прииск, который также пошел с нами. Шли мы, как видите теперь, с голыми руками. Я шел в середине толпы. Когда я подошел к Надеждинской станции железной дороги, народ остановился; никакого рожка или трубы я не слышал. Я вдруг услышал выстрелы; люди передо мною стали валиться, я лечь не успел и был ранен в грудь, пуля вышла из лопатки...

Список рабочих, раненых во время расстрела 4 апреля 1912 г.[1].

1. Кащук Трофим.
2. Абрамов Александр.
3. Бакалов Семен.
4. Баулин Кузьма.
5. Винокуров Алексей.
6. Демаков Иван.
7. Дедюлин Осип.
8. Загубаев Иван.
9. Кара Батретдин.
10. Кощеев Павел.
11. Широков Николай.
12. Авилов Сергей.
13. Баранов Евстафий.
14. Борисов Василий.
15. Галочкин Иван.
16. Денисов Карп.
17. Ерофеев Иван.
18. Золотарев Николай.
19. Кайдалов Потапий.
20. Касенков Спиридон.
21. Головных Алексей.
22. Анисимов Никандр.
23. Баронцев Арсентий.
24. Бородулин Семен.
25. Гусаров Дмитрий.
26. Дмитриев Никита.
27. Заверткин Яков.
28. Косолапов Фрол.
29. Камчатов Петр.
30. Кучин Гавриил.
31. Капелюшев Никита.
32. Махнев Тимофей.
33. Махов Алексей.
34. Саляхетдинов Дзералтинов.
35. Селезнев Иван.
36. Червяков Петр.
37. Ярославцев Иван.
38. Безденежных Осип.
39. Лапшин (Манухов) Федор.
40. Ракислов Михаил.
41. Шимгов Франц.
42. Агалаков Иван.
43. Забродкин Ефим
44. Ковтун Валентий.
45. Мясников Семен.
46. Маланкин Василий.
47. Роженцов Егор.
48. Тейб-Гюль-Бала-оглы.
49. Узбек-Юсуп-Ахметов.
50. Шорников Иван.
51. Копылов Михаил.
52. Столяров Иван.
53. Ворожцов Федор.
54. Егошин Александр.
55. Касьянов Михаил.
56. Манцеров Тимофей.
57. Саньков Семен.
58. Васильев Федор.
59. Зуев Михаил.
60. Миронов Яков.
61. Орлов Петр.
62. Тарачев Михаил.
63. Абдулганиев Мингалай.
64. Мерзляков Тимофей.
65. Бусыгин Миней.
66. Клюжев Семен.
67. Муленко Григорий.
68. Ремизов Андрей.
69. Сенцов Киприан.
70. Тепляшин Павел.
71. Чикмарев Павел.
72. Богатырев Максим.
73. Дербенев Николай.
74. Мухутдинов Зиятдин.
75. Семин Василий.
76. Юматов Андрей.
77. Дронов Владимир.
78. Корсаков Алексей.
79. Кузьмин Александр.
80. Моторин Дмитрий.
81. Рявкин Григорий.
82. Сметанин Потап.

[1] Список раненых, приводимый здесь, был составлен комиссией по определению степени потери трудоспособности ранеными рабочими.

83. Туманцев Иван.
84. Хомяков Василий.
85. Власов Яков.
86. Лесников Поликарп.
87. Верхотуров Дмитрий.
88. Куканов Николай.
89. Мухин Александр.
90. Попов Григорий.
91. Соколов Дмитрий.
92. Давыдченко Федор.
93. Кузьмин Сергей.
94. Мясоедов Леонтий.
95. Перевощиков Никита.
96. Фомин Ермолай.
97. Астафьев Иван.
98. Поляшев Михаил.
99. Капелющов Филипп.
100. Лапин Иван.
101. Мезенцев Степан.
102. Русских Киприан.
103. Слугин Павел.
104. Тюлькин Петр.
105. Юргин Никифор.
106. Бляблин Иван.
107. Королев Александр.
108. Пырьев Алексей.
109. Тюшняков Иван.
110. Русинов Сергей.
111. Зырянов Иосиф.
112. Казанцев Петр.
113. Лучинин Сергей.
114. Межов Иван.
115. Развозжаев Николай.
116. Синицын Михаил.
117. Утенков Михаил.
118. Черепанов Иван.
119. Домнин Григорий.
120. Ступишин Александр.
121. Басалай Григорий.
122. Еньков Семен.
123. Клаус Парфен.
124. Меренков Захар.
125. Сизых Тихон.
126. Ухалов Василий.
127. Жданов Иван.
128. Кузнецов Петр.
129. Маслов Василий.
130. Соловьев Петр.
131. Сысоев Василий.
132. Блошенков Иван.
133. Троегубов Илья.
134. Бардин Василий.
135. Герасимов Федор.
136. Ярославцев Диомид.
137. Мосеев Федор.
138. Худорожнов Борис.
139. Ожиганов Семен.
140. Абакумов Михаил.
141. Баринов Осип.
142. Гейда Василий.
143. Кутузов Алексей.
144. Сенников Федот.
145. Глазин Леонтий.
146. Сенников Василий.
147. Меньшиков Капитон.
148. Нечушкин Яков.
149. Достовалов Осип.
150. Попов Илья.
151. Чихрадзе Егор.
152. Шариков Архип.
153. Балаев Семен.
154. Емельянов Николай.
155. Шепелин Тимофей.
156. Паменков Иван.
157. Ильясов Мухаметша.
158. Радимов Иван.
159. Евенько Иван.
160. Памфилов Афанасий.
161. Астафьев Ефим.
162. Бурнашев Александр.
163. Гудков Василий.
164. Кокоулин Иван.
165. Нелаев Степан.
166. Ковенкин Василий.
167. Скурихин Василий.
168. Белоногов Дмитрий.
169. Палтусов Савелий.
170. Кирилов Михаил.
171. Пономарев Степан.
172. Гуселетов Евстафий.
173. Вовняк Роман.
174. Галиев Незаметдинов.
175. Киверин Степан.
176. Щенников Семен.
177. Сметанин Павел.
178. Михайлов Иван.
179. Семенов Тимофей.
180. Рахимов Шамсутдин.
181. Шеметов Василий.
182. Абдулсаликов Зойнитулла.
183. Бутов Илларион.
184. Дербенев Феоктист.
185. Мехонцев Матвей.
186. Безбородов Григорий.
187. Пантелеев Сергей.
188. Катунцев Михаил.
189. Банный Филипп.
190. Горячкин Григорий.
191. Морозов Иван.
192. Сабиров (Анисьин) Шейхилислян.
193. Ребешкин Николай.
194. Перевалов Василий.
195. Дмитриев Иван.
196. Семенов Иван.



Жертвы расстрела.

Список рабочих, убитых и умерших от ран [1].

1. Якубов Хайрулла.
2. Ибрагимов Мухометша.
3. Валиханов Сулейман.
4. Хасянов Измаил.
5. Сайдагиев Бик.
6. Гейнетдинов Калимулла.
7. Фейсханов Ибрагим.
8. Боровинский Михаил.
9. Букин Емельян.
10. Булынкин Филофей.
11. Брылев Иван.
12. Винокуров Евдоким.
13. Владимиров Иван.
14. Горшенков Михаил.
15. Корюхов Иннокентий.
16. Кузнецов Степан.
17. Константинов Семен.
18. Казаков Степан.
19. Кислицин Егор.
20. Кожин (он же Кутьин) Семен.
21. Крутов (он же Кириллов) Николай.
22. Макаров Карп.
23. Малыгин Илларион.
24. Макаров Алексей.
25. Морозов Василий.
26. Никитин Николай.
27. Новоселов Василий.
28. Наумов Семен.
29. Наумов Михаил.
30. Николаев-Зюзин Василий.
31. Ожигов Терентий.
32. Овцын Алексей.
33. Плевинский Иосиф.
34. Пищулин Захарий.
35. Сисюлин Андрей.
36. Солдаткин Евфимий.
37. Соловьев Иосиф.
38. Сарычев Анатолий.
39. Сесюлин Михаил.
40. Сидоров Илья.
41. Тишков Прокопий.
42. Уханов Петр.
43. Федяев Филипп.
44. Шиповаленко Иосиф.
45. Швецов Филипп.
46. Юдин Ефрем.
47. Яковлев Василий.
48. Лялин Иван.
49. Бармоткин.
50. Жучков Яков.
51. Лопавенко Яков.
52. Балабин Алексей.
53. Бошкарев Тихон.
54. Букин Андрей 2-й.
55. Ермаков Дмитрий.
56. Захаров Трофим.
57. Зычанов Иван.
58. Зяблов Егор.
59. Казанцов Федор.
60. Козлов Василий.
61. Кононов Федор.
62. Катюшин Николай.
63. Каякин Михаил.
64. Кислицин Николай.
65. Конев Григорий.
66. Коробков Павел.
67. Кузнецов Артемий.
68. Лазарев Михаил.
69. Маркин Алексей.
70. Мухин Иван.
71. Наумов Федор.
72. Нелаев Северьян.
73. Овечкин Александр.
74. Попов Калина.
75. Рябцов Иуда.
76. Свиньин Яков.
77. Селезнев Иван.
78. Секисов Василий.
79. Супряков Григорий.
80. Серых Петр.
81. Тонайтис Александр.
82. Тюменцев Семен.
83. Ухалов Елисей.
84. Чердынцев Максим.
85. Чашин Григорий.
86. Шажин Гавриил.
87. Шерстобитов Петр.
88. Швак Степан.
89. Щаулов Иван.
90. Этков Сергей.
91. Алексеев Павел.
92. Андреев Василий.
93. Антипов Василий.
94. Безгодов Степан.
95. Безденежных Дмитрий.
96. Берсенев Давид.
97. Байков Петр.

---

[1] Список взят из церковных записей о похороненных русским и магометанским духовенством убитых и умерших от ран после расстрела 4 апреля. Список этот, по словам священника, не полный. — *Ред.*

98. Борисов Степан.
99. Бошков Дмитрий.
100. Бородулин Алексей.
101. Васильев Владимир.
102. Варлашкин Филипп.
103. Воробьев Иосиф.
104. Вохмянин Дмитрий.
105. Герасимов Алексей.
106. Гранин Илья.
107. Гусев Иван.
108. Демаков Дмитрий.
109. Демаков Поликарп.
110. Дербенев Филипп.
111. Доброфеляк Алексей.
112. Дыба Андрей.
113. Ермаков Наркис.
114. Заборцев Герасим.
115. Зайцев Егор.
116. Зайцев Иван.
117. Земсков Алексей.
118. Зотов Иван.
119. Иванов Иосиф.
120. Казаков Капитон.
121. Карасев Константин.
122. Карнаухов Алексей.
123. Качаев Василий.
124. Корелин Иван.
125. Королев Степан.
126. Коротаев Фаддей.
127. Климин Степан.
128. Ленских Семен.
129. Ложечников Николай.
130. Лопаткин Гордей.
131. Матвеев Степан.
132. Мелкозеров Сергей.
133. Мочалов Григорий.
134. Непомнящий Егор.
135. Никитин Кирилл.
136. Панов Василий.
137. Попов Прокопий.
138. Рыжков Григорий.
139. Салмин Михаил.
140. Свиньин Андрей.
141. Сивый Максим.
142. Сизиков Сергей.
143. Скосырский Иван.
144. Соболев Епифан.
145. Сологуб Стефан.
146. Сафронов Иван.
147. Толенков Никита.
148. Толстов Федор.
149. Трукманин Нестор.
150. Трунов Кузьма.
151. Урусов (Русаков) Петр.
152. Усков Илья.
153. Устюжанин Степан.
154. Филипчук Григорий.
155. Фоломеев Андрей.
156. Хохлов Дмитрий.
157. Хохлов Степан.
158. Ценищев Илья.
159. Чабан Филипп.
160. Черемисиков Иван.
161. Чернин Андрей.
162. Шатов Андрей.
163. Яскуловский Гилярий.
164. Укладов Иван.
165. Чанцев Василий.
166. Брюханов Игнатий.
167. Зыгрянов Иван.
168. Черновский Иосиф.
169. Гладковский Иван 1-й.
170. Ларькин Тимофей.

Кровавый ротмистр получил благодарность.

Телеграмма чиновника особых поручений Майша иркутскому губернатору от 23 мая 1912 г.

День прошел за осмотром городских учреждений. Сегодня еду на прииски. Трещенков говорит, что ему передал приехавший жандармский ротмистр, что департамент полиции его действиями очень доволен, благодарит и просит ничем не смущаться. № 22.

А. Б. Майш.

Войска занимались мародерством и получили денежное вознаграждение от «Лензото».

Телеграмма начальника бодайбинской почтово-телеграфной конторы начальнику окружного почтово-телеграфного округа.

По слухам, после ужасного события 4 апреля, к трупам, кроме военных чинов и полиции, решительно никто не допускался. Похороны производились без участия посторонних. Говорят, было полное мародерство. Вчера помощник мой доложил мне, что солдаты, очевидно участвовавшие в расстреле, сдают на почту деньги от 100 до 400 рублей... № 71.

Булатов.

Перетрусившие чиновники клевещут на рабочих.

Телеграмма инженера Тульчинского иркутскому губернатору от 4 апреля 1912 г.

Утром... поехал лошадьми на Надеждинский. На пути встретил возбужденную толпу рабочих — свыше тысячи человек — Александровского прииска, шедшую на Липаевский прииск, требовавшую немедленного освобождения арестованных и немедленного расчета. Убеждал разойтись, не делать насилий. По приезде на Надеждинский узнал о собравшейся толпе рабочих свыше тысячи на Феодосиевском прииске, против которой с другой стороны долины Бодайбо стояла с раннего утра рота солдат. Рота, по моей просьбе, отошла на Надеждинский к народному дому — место своей стоянки. Оставшись один, убеждал рабочих, которые требовали немедленного освобождения арестованных, а затем расчета, вели себя угрожающе. Возвратился на Надеждинский, где узнал, что все рабочие приисков Андреевского, Успенского, Васильевского, Прокопьевского идут к Александровскому. Соединившись с александровскими, рабочие общею толпою свыше 3 тысяч двинулись на Феодосиевский через Надеждинский около Народного дома — места расположения роты, куда прибыли около 5 часов дня. Несмотря на предупреждения, сделанные сигналами, толпа, вооруженная кольями, кирпичами, камнями, угрожающе надвигалась на войска, которые дали несколько залпов. Убито 107. Ранено 83. Присоединяюсь к ходатайству ротмистра Трещенкова об объявлении приискового района на военном положении и об экстренной высылке войск по Витиму, дорога простоит до 20 апреля по льду Лены, войска могут проследовать почтовой тропой. № 360.

Тульчинский.

Тульчинский опровергает свои же показания.

Из показаний Тульчинского, данных им чиновнику особых поручений иркутского губернатора от 3 мая 1912 г.

... После окончания стрельбы на меня нашел какой-то животный страх, — все ожидали, что ночью толпа придет громить. Я не отходил от солдат и Трещенкова, делал все, что мне говорили. Я посылал свою телеграмму сообща со всеми, когда написал, что были вооружены палками, — потому что Трещенков сказал, что нашли таких два воза. Следующие два дня я попал было под влияние Трещенкова, — он меня никуда одного не отпускал, говоря, что отвечает за жизнь каждого. Потом я как религиозный человек подумал, что если провидение оставило меня живым, то не для того, чтобы я скрыл истину, и выехал из Надеждинского прииска. У меня есть сведения, что полиция запрещала после этого являться рабочим ко мне и давать показания. Теперь все в подавленном состоянии и страхе...

Телеграмма инженера Тульчинского иркутскому губернатору от 12 апреля 1912 г.

Насколько хватал мой взор, я видел безусловно невооруженную толпу. Мною не было констатировано оставление толпой кольев, кирпичей и пр., так как никто из судебных властей не вызывал меня на место катастрофы; но после посылки телеграммы 360, по собственному почину на следующий день осмотрел в народном доме сравнительно ничтожное количество указанных предметов, которое было собрано по словам Трещенкова на месте катастрофы. Телеграмма 360 составлялась в тот же вечер, совместно со всеми чинами администрации, фраза о вооруженной толпе была включена мною на основании утверждений Трещенкова. Стрельба была не залпами, а пачками; при первых выстрелах голова толпы сразу прилегла на землю, прилег и я. Во время перерыва между первой стрельбой и второю я успел привстать среди лежавших на колени, начал махать фуражкой, кричать о прекращении огня. В этот момент бегущих вперед не видел, криков «ура» вообще не слыхал. После открытия вновь огня снова прилег, оставаясь в таком положении до полного прекращения стрельбы. Ранее моего прибытия, в начале забастовки, были случаи снимания с работ, но потом такого проявления своеволия не наблюдалось. Наоборот. Управлением стали производиться вновь нанятыми рабочими неотложные работы, и этим работам никто не мешал. Требований новых не предъявлялось, рабочие все время, во всех моих с ними переговорах твердо отстаивали увеличение платы или совершенно отказывались встать на работы, уве-

ренно рассчитывая взыскать судом вознаграждение за нарушение договора «Лензотом». Из административных лиц переговоры велись рабочими только со мною, иногда Трещенковым, причем до 4 апреля рабочие открыто меня не оскорбляли, но после арестов, которые приписывались рабочими мне, я встретил весьма враждебное ко мне отношение и пришел к убеждению, что создается угрожающее положение в случае неисполнения их требования об освобождении арестованных. Неминуемость катастрофы мне не представляется обязательной, необходимо было принять возможные меры, задержать идущую толпу, убедиться в ее намерениях ранее прихода ее на Надеждинскую станцию и тогда же предупредить о грозящей ей смертельной опасности. Когда выяснился неуспех порученной мне задачи привести обе стороны к миролюбивому соглашению, нервозность рабочих сделалась повышенной, и каждое новое острое обстоятельство сильно возбуждало рабочих. Так например выдача 2 апреля из артельной кухни Александровского прииска недоброкачественного мяса привела всех рабочих этого прииска в сильное возбуждение; произведенный же ночью с 3 на 4-е арест их выборных дал повод к еще большему возбуждению, но уже всех рабочих «Лензото». Взвесив эти обстоятельства и принимая во внимание продолжительное перед этим мирное течение забастовки, прихожу к убеждению, что арест выборных явился главнейшим поводом к активному выступлению рабочих, причем эта активность выразилась только тем, что весь день 4 апреля рабочие собирались толпами, требуя расчета и немедленного освобождения арестованных, находя арест этот несправедливым, выражая в весьма резкой форме свое неудовольствие распоряжениями правительственных лиц. Сообщаю, когда я старался задержать толпу, то ранее начала стрельбы я успел получить письменное заявление от рабочих, поданное мне одним из толпы, в котором указывалось между прочим, что аресты нарушают мирное течение их жизни, вызывают обострение, могут привести к печальным, нежелательным последствиям. Подлинник заявления представлен при допросе в качестве свидетеля судебному следователю Хитуну.

Тульчинский.

На приисках попрежнему царил произвол. Аресты продолжались.

Телеграмма иркутского губернатора ротмистру Трещенкову от 4 апреля 1912 г.

По изъятии стачечного комитета учтите появившийся раскол между бастующими, впечатление, вызванное этой мерой;

при благоприятных результатах арестуйте немедленно всех остальных, подлежащих заключению под стражу по требованию следственных властей. Об исполнении донести. В отношении исполнительных листов выселения, в случае надежды на мирное улажение конфликта, уговорите моим именем «Лензото» отказаться от этой меры совсем. В случае, если бы оказалось необходимым провести ее, телеграфируйте, сколько семей подлежит выселению, и как вы думаете провести выселение...

Бантыш.

Телеграмма иркутского губернатора ротмистру Трещенкову от 7 апреля 1912 г.

... Вне зависимости от оценки ваших действий в печальном событии 4 апреля, казалось бы, настроением совершившегося надо воспользоваться и арестовать, согласно ранее преподанных вам указаний, всех лиц, подлежащих уголовной ответственности, конечно по результатам следствия. Не ставлю вам этого на вид, но спрашиваю мотивы, послужившие вам к отсрочке моих указаний. Не предрешая и теперь этого вопроса, по подробному выяснению с Преображенским, телеграфируйте, ожидая моих распоряжений. № 43.

Губернатор Бантыш.

Телеграмма иркутского губернатора министру внутренних дел от 10 апреля 1912 г.

... 5 апреля, предвидя тот осадок энергии, каковой должен был получиться у присутствующих при катастрофе должностных лиц, я телеграфировал Трещенкову о полной необходимости, вне зависимости от субъективных ощущений, использовать раз случившееся и, в зависимости от данной реакции, немедленно арестовать всех лиц, подлежащих заключению под стражу по требованию следователя на четвертое число. Боюсь, что подходящий момент упущен. Понимая нравственное состояние, сейчас владеющее должностными лицами на местах происшествия, в зависимости от донесений, отдам своевременно надлежащее распоряжение...

Губернатор Бантыш.

Нехватает тюрем.

Телеграмма Трещенкова иркутскому губернатору от 10 апреля 1912 г.

... Обсудив наше положение, по соглашению с Преображенским, нами решено, при обнаружении скрывшихся, самого

главного члена комитета Баташева и остальных восьми арестовать, так как оставление их на свободе дает им возможность вновь сорганизовать рабочих, хотя арест может вызвать осложнение. Арест всех остальных фактически невозможен за отсутствием надлежащей воинской силы и мест заключения (Бодайбинская тюрьма рассчитана на 40, содержит 173) и значительного числа лиц, имеющихся быть привлеченными по 123-й статье Уголовного уложения. Со своей стороны докладываю, что вслед за событием 4 апреля мною немедленно были приняты меры к розыску скрывшихся членов стачечного комитета, командированы стражники и пока задержан видный агитатор Попов, раненый и находящийся в больнице.

Трещенков.

Администрация «Лензото» готовится вывезти рабочих, чтобы замести следы преступления.

Совещание 22 апреля 1912 г. на Надеждинском прииске администрации «Лензото» по вопросу об эвакуации рабочих с приисков Ленского товарищества.

Совещание признало:

Настроение бастующих в настоящее время таково, что совершенно нельзя ожидать, чтобы рабочие Ленского товарищества встали на работу, и потому все бастующие рабочие в обоих округах числом 4 200 человек, не считая жен и детей, а с ними — до 5 500 человек, подлежат эвакуации с открытием навигации. Цифра в 4 200 человек точно определена...

Для осуществления беспрепятственной эвакуации и для устранения осложнений необходима присылка достаточного количества войск в Бодайбо, и эвакуацию эту необходимо производить частями, отдельными группами...

По мере вывода бастующих рабочих можно допустить прибытие в г. Бодайбо новых рабочих, как самостоятельно прибывающих, так и вновь нанятых Ленским товариществом, причем в устранение скопления рабочих в Бодайбо представляется необходимым, чтобы из с. Витима отправка новых рабочих допущена была по особым пропускам начальника полиции, ротмистра Трещенкова витимскому приставу...

Телеграмма рабочих «Лензото» члену Государственной думы Скороходову от 10 мая 1912 г.

7 мая окружной инженер объявил нам о получении им телеграммы из Петербурга от директора горного департамента. Директор предлагает нам приступить немедленно к работам.

Если не приступим к работе, то первыми отбывшими пароходами около 12 мая «Лензото» будет вывозить нас до прибытия ревизионной комиссии. Окружный инженер пояснил, что если какое-либо сопротивление будет с нашей стороны эвакуации на пароходы, то будет употреблена воинская сила, оружие. Просим вас убедительно употребить все меры оградить нас от этого последнего произвола, явно доказывающего, если это будет исполнено, цель стушевать, насколько возможно, картину ленских событий. Если нас вывезут насильно до прибытия сюда долгожданной нами ревизионной комиссии, то зачем тогда и ее прибытие? Если приедет, от кого будет брать данные раскрытия, объяснения ленских событий, если нас не будет? Если приступим к работе, то этим замаскируем все поступки «Лензото» и властей от ревизионной комиссии.

Рабочий «Лензото» Пешков.

Иркутский генерал-губернатор помогает «Лензото».

Объявление.

Так как рабочие не приняли предложенных Ленским золотопромышленным товариществом условий найма по новому контракту и новой расценке и поэтому в настоящее время являются лицами, остающимися без определенных занятий вне мест приписки, сим по приказанию господина иркутского генерал-губернатора объявляется:

1. Со дня расклейки настоящего объявления бывшим рабочим предлагается получить причитающийся расчет у господ окружных инженеров, а также разрешение на добровольный выезд на предложенных Ленским товариществом условиях, т. е. на его пароходах и с продовольствием за его счет до Усть-Кута, назначается семидневный срок.

Примечание. Деньги, оставшиеся у окружных инженеров по неявке за ними бывших рабочих, будут пересланы в места приписки или постоянного их жительства.

2. По истечении указанного семидневного срока лица, не получившие причитающихся им заработанных денег и добровольно не выехавшие, если не войдут в соглашение с Ленским товариществом, утрачивают право на занятие помещений в его зданиях и на продовольствие не за наличные деньги.

3. Ввиду отсутствия законных оснований по указанной выше причине к оставлению на приисках бывших рабочих по истечении того же семидневного срока будет приступлено к принудительному выселению и к отправке бывших рабочих в места их приписки.

Рабочие переговорами пытаются оттянуть высылку.

Прошение иркутскому генерал-губернатору бывших рабочих Александровского прииска Ленского золотопромышленного товарищества от 30 мая 1912 г.

Сегодня утром на нашем прииске вывешено объявление, в котором рабочим сообщается, что они, рабочие, в настоящее время являются лицами, остающимися без определенных занятий, так как условия, предложенные Ленским товариществом по новому контракту и новой расценке, рабочими не приняты; указывается рабочим во 2-м пункте объявления о том, что если рабочие не выйдут на работу в течение семидневного срока в согласии с Ленским товариществом, то они утрачивают право на занятие помещений и продовольствие не за наличные деньги. Как видно вчера, из поданного прошения господину чиновнику особых поручений, рабочие Александровского прииска не только не отклонили новых условий Ленского товарищества, но признали их вполне приемлемыми при условии, если пункты договора, толкование коих вызывает сомнение, будут выяснены совместно с представителями ленской администрации. Так как в настоящее время рабочим дан семидневный срок на соглашение с Ленским товариществом, то рабочие покорнейше просят содействия вашего высокопревосходительства в устройстве совместного совещания с представителем рабочих и с представителями ленской администрации. Удовлетворение настоящего ходатайства является при создавшемся положении необходимостью, тем более что не рабочие, а Ленское товарищество все время уклонялось от непосредственных переговоров.

Генерал-губернатор настаивает на прекращении забастовки.

Объявление.

... Оставаясь при неоднократно мною уже высказанном рабочим убеждении, что единственным разумным в интересах обеих сторон выходом из создавшегося забастовкой положения является возвращение к работам на последних предложенных правлением условиях, во всяком случае вносящих значительное улучшение в быт рабочих, я по возбужденном прошениями от 30 мая ходатайству входил в личное сношение с главноуправляющим И. Н. Белозеровым.

Генерал-губернатор К н я з е в.

31 мая 1912 г.

«Лензото» на уступки рабочим не идет.

Доклад

... о состоявшемся 1 июня совещании выборных от рабочих с господином Белозеровым о разъяснении некоторых пунктов договора найма и расценки и о полученных результатах.

«Объяснение происходило на Надеждинском прииске у крыльца квартиры Белозерова, стоя. Господин Белозеров встретил следующими словами: «Вы просили, чтобы я вам пояснил кое-какие неясности?» На просьбу нашу, чтобы присутствовали наши и ваши защитники, то он ответил: «Я как с законами не знаком, а они как законники, то могут переговорить с нашим защитником отдельно...»

1) На вопрос, будут ли приняты все рабочие на работы, ответил... что все рабочие приняты быть не могут ввиду того, что нехватит помещений, а также Васильевский, Утесистый, а может быть и Андреевский работать не будут, а также есть вновь поступившие рабочие, которым тоже отказать нельзя; когда же его спросили, как же наши семьи, которые приехали и жили с нами, то он ответил: «Вы бы их навезли 300 или 400, а куда я их дену?» На заданный вопрос по пункту 6-му, что управление товарищества дает рабочим безвозмездно помещение в казармах с освещением общего пользования, как это понять? ответил: «Будет дана лампочка одна у коридора, а другая — посреди казармы». Когда сказали, что для каждого рабочего должно быть освещение, он ответил, что этого нельзя: «Вы будете играть в карты, и невозможно, чтобы товарищество вас освещало...»

... 6) Вопрос: «Почему не внесено в договор найма о непромокаемой одежде: кожаны, шаровары, шляпы и сапоги для работающих в мокрых работах?» Ответ: «Это нельзя, так как иногда ее и нехватает для всех, но я вас не принуждаю, можете не наниматься...»

... 10) Вопрос, что нет возможности существовать на 1 р. 45 к. Ответ : «Если не желаете работать — не работайте, — у меня голодного народа, сколько угодно».

... Вопрос: «Может ли быть продлен срок найма договора далее 1 сентября, потому что рабочим желательно выезжать летом, а не осенью?» Ответ: что быть не может.

Выборные от рабочих всех приисков в количестве 21 человека.

VI. Демонстративный уход ленских рабочих с приисков.

В ответ на ленский расстрел начались массовые забастовки протеста по всей России. Испугавшееся правительство посылает на прииски якобы для «расследования» комиссию с сенатором Манухиным во главе и решает рабочих с приисков не выселять.

Телеграмма сенатора Манухина иркутскому генерал-губернатору от 1 июня 1912 г.

... Сообщаю, что, признавая присутствие бастовавших и бастующих рабочих на приисках «Лензото» во время высочайше возложенного на меня расследования необходимым, а потому принудительное удаление сих рабочих с приисков в порядке административном по истечении установленного вашим превосходительством срока недопустимым, — я, руководствуясь статьей 7-й отдела 2-го высочайше утвержденной 9 мая инструкции по производству расследования о забастовке на Ленских промыслах, нахожу нужным отменить ваше распоряжение о принудительном выселении рабочих и отправке их в места приписки по истечении семи дней со дня вывешания на приисках изданного вами 30 мая объявления. К исполнению сего моего распоряжения прошу ваше превосходительство принять зависящие меры и о последующем меня уведомить.

Член Государственного совета
сенатор Манухин.

Объявление.

... Объявляется, что член Государственного совета сенатор Манухин, признав необходимым присутствие бастовавших и бастующих рабочих на приисках Ленского товарищества во

время высочайше возложенного на него расследования... отменил распоряжение господина генерал-губернатора, объявленное 30 мая сего года, о принудительном выселении рабочих.

Временно заведывающий всей полицией
П. Оринский.

2 июня 1912 г.

Рабочих увещевают именем господа бога.

Обращение.

... Ныне мне предстоит со всех сторон изучить и во всей полноте выяснить условия быта и труда на приисках и притом не по бумагам только и отзывам других лиц, но, главнее всего, в действительной обстановке повседневной приисковой жизни. Для надлежащего успеха такого исследования мне совершенно необходимо видеть прииски не в бездействии рабочих — не в праздности, а при условиях обыденного труда. Через несколько дней я приеду на прииски и установлю порядок объяснений моих с выборными от рабочих, а также приема заявлений отдельных лиц. Итак с помощью божией, с молитвою за царя приступайте к работам.

Член Государственного совета
сенатор Манухин.

4 июня 1912 г.

В разговоре с членом Правления Манухин поясняет:

Из письма Гинзбурга в правление «Лензото» от 14 июня 1912 г.

Манухин в разговоре со мной говорил, что убеждение его рабочих встать на работу, хотя бы временно, было с его стороны главным тактическим шагом. Что он не заблуждается относительно дальнейших намерений буйного элемента, но он надеется, что большинство рабочих, раз встав на работу, не поддадутся дальнейшей агитации.

Комиссия адвокатов во главе с Керенским — верным слугой буржуазии усердно помогала сенатору Манухину сорвать стачку.

Из воспоминаний рабочего Кудряшова.

Батюшка Александр Феодорович (Керенский) около нас, феодосиевцев, три дня бился на собраниях, пока своим слезливым голосом не убедил большинства выйти на работу.

Условия, на которых рабочие согласились стать временно на работу.

1. Чтобы все рабочие были приняты на работу без исключения и не уволены без уважительной законной причины до конца ревизии сенатора Манухина.
2. Чтобы не было притеснений (насмешек) со стороны администрации Ленского товарищества.
3. Чтобы выборным было разрешено право совещаний и сбора материалов, необходимых для предстоящей ревизии, не только с одного, но и со всех приисков.
4. Чтобы никто не был арестован по делу забастовки до конца следствия.
5. Срок найма до 1 сентября и выезд до Жигалова с продовольствием за счет Ленского товарищества.
6. Произвести предварительное следствие относительно состояния работ и шахтового порядка с осмотром шахт, с показанием рабочих, при посредстве комиссии в составе из окружного инженера, чиновника особых поручений при иркутском губернаторе Майше.
7. Немедленное проведение в жизнь всех уступок, данных в объявлениях окружных инженеров 7 марта и 29 марта и Ленского товарищества 11 апреля.
8. Чтобы на всякие поступки незаконные со стороны приисковой администрации можно было просить составлять протоколы.
9. Продажа крепких напитков до конца ревизии не производилась.
10. Увеличение заработной платы.
11. Невычет за продовольствие с 4 апреля до выяснения виновной стороны.
12. Неперевод рабочих с одного прииска на другой до окончания срока найма.

Добавления: 1. Просим исходатайствовать перед сенатором Манухиным освобождения арестованных бывших выборных. 2. Просьба исхлопотания нового закона об уменьшении часов рабочего дня для работ ввиду суровых климатических условий

Состав последнего Центрального стачечного бюро

Фамилии	Прииск	№ казармы
Шаблов, Савелий Васильевич	Александровский	52
Носов, Евгений Гаврилович	»	5
Пинаев, Иван Дмитриевич	Прокопьевское управление, Прококо-ильинский промысел	21
Трифонов, Иван Иванович	Андреевское управление, Утесистый прииск	5
Горшечников, Сергей Константинович	Андреевское управление, Васильевский прииск	4
Петухов[1], Андрей Гаврилович	Феодосиевский прииск	7
Подзахотников, Петр Иванович	Феодосиевское управление, Надеждинский прииск	1
Головизин, Александр Семенович	Ивановский прииск того же управления	5

В своих заявлениях о выходе на работу рабочие писали, что они, не отказываясь от своих требований, встают на работу временно, по таксе, предложенной управлением «Лензото», не подписывая договора до рассмотрения спорных вопросов.

Заявление рабочих Феодосиевского прииска сенатору Манухину от 27 июня 1912 г.

... На собрании рабочих Феодосиевского прииска 27 июня при обсуждении суточного договора расценки работ рабочие нашли, что он лучше старого, но не последовало тех существенных изменений, которые так дороги для нас, рабочих, так как порядок не изменился. Администрация приисковая та же, и крепкий белозеровский режим не изменился и в присутствии ревизии. Виновность ленцев не установлена, и на них не наложена обязанность штрафа за все наши мучения и за все нарушения прежнего договора. Сенаторская ревизия до сих пор не восстановила правды и не привлекла виновных 4 апреля, а наши выборные невинно сидят в тюрьме, и, одним словом, не выяснена правда. При всех этих обстоятельствах рабочие считают подписать договор невозможным и остаться у ленцев

[1] Председатель Центрального бюро того времени.

в тайге невозможным при таких порядках, какие существуют в настоящее время.

По окончании прений и при закрытой баллотировке (голосовавших — 2 005 человек) 1 998 человек против 7 не приняли этих условий и к работе не приступают и желают вывоза в жилые места и в другие места, где они могут найти себе новые работы.

Сведения о числе эвакуированных рабочих Ленского золотопромышленного товарищества

	Мужчин	Женщин	Детей	Всего
В первой партии, отправленной из города Бодайбо 4 июля	654	211	169	1 034
Во второй партии, отправленной 8 июля	1 139	436	370	1 945
В третьей партии, отправленной 13 июля	925	722	539	2 186
На пароходе «Верхоленец» — 11 июля	113	64	69	246
пароходе «Товарищ» — 18 июля	178	68	84	330
» пароходе «Николай» — 20 июля	233	84	116	333
Шестая партия — 27 июля	701	317	484	1 502
Седьмая партия — 5 августа	781	221	231	1 233
Всего	4 724	2 123	2 062	8 909

Телеграмма управления ленскими приисками «Лензото» от 6 августа 1912 г.

Последняя партия рабочих ушла сегодня из Бодайбо. Все бастовавшие за исключением полусотни ушли. Вновь нанято около тысячи... № 44.

Аге.

VII. Значение ленских событий.

«В ответ на стоны умирающих ленских рабочих раздалось могучее эхо негодования во всей пролетарской России». Опьминский.

Легальная большевистская газета «Звезда» вышла в траурной кайме..

Передовица начиналась так:

«В мрачную историю русского рабочего движения, богатую невероятными образцами самого бессмысленного, изощренного насилия и беззакония, властной безответственной рукой вписана новая кровавая страница. Во славу капитала, для поддержания престижа власти расстреляли мирную толпу рабочих Ленских золотых приисков... Трудно сдержать крик негодования перед грудой «невинно-убиенных» и искалеченных русских рабочих, вся вина которых в том, что они мирными, законными путями добивались сносного человеческого существования».

В статье «Жертвы больших барышей» писалось:

«Когда говорят, что капитал пьет кровь рабочих, то противники рабочих считают это измышлениями, преувеличениями и т. д. Но в этом кровавом событии это становится до боли, до ужаса ощутительным и понятным. Когда началась забастовка на Ленских промыслах, акции Ленского общества стали падать и ценились 3 425 руб., после же расстрела сразу поднялись до 3 540 руб. Пролитая там, в далекой Сибири, кровь рабочих перелилась сюда, в карманы ловких спекулянтов, звонким золотом».

В рабочих центрах России были выпущены большевистские прокламации.

Из прокламации приуральского социал-демократического союза о Ленских событиях.

К рабочим Сибири.

В далеком краю, «за дикими степями Байкала, где золото роют в горах», слуги царской власти расстреляли мирно шедшую для объяснений с приисковой администрацией толпу. Убито и ранено около 500 человек...

«... Преемник Столыпина Макаров дал стране ясный, не вызывающий сомнений ответ: «Так было, так и будет»...

Но напрасно царский холоп распинается. Все хорошо знают, что беда России заключается именно в том, что у нас всегда «так было», что расправы и расстрелы стали у нас бытовым явлением...»

«... А чтобы этого не было, нужна новая общая борьба, борьба всего рабочего народа с капиталистами и царским правительством.

И рабочие всей России дружно ответили однодневной забастовкой и демонстрациями на кровавое сибирское 9 января»...

«... Сомкните же ряды. Пусть дни траура и печали будут грозным протестом против расправ и расстрелов, против власти капитала и самодержавного правительства.

Пусть однодневная первомайская забастовка будет протестом и против палачей ленских рабочих.

Докажите врагам, что столбняк всероссийской реакции уже прошел, что рабочий класс снова готовится к борьбе!...»

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Из прокламации киевских социал-демократов по поводу Ленского расстрела.

... Теперь, когда еще не засохла кровь убитых товарищей, пусть пронесется по всей стране, вихрем пронесется по всей стране грозный протест. Пусть везде прогремит наш клич: «Долой палачей! Долой насильников! Да здравствуют борцы за рабочее дело!»...

Комитет киевской организации социал-демократической рабочей партии.

Из прокламации группы социал-демократов по поводу ленских событий, выпущенной в Чернигове.

Правительство Николая Кровавого снова устроило кровавую бойню: больше 500 рабочих убито ни за что, ни про

что. На этот раз резня рабочих произошла не в Петербурге, как 9 января, а в далекой Сибири, на Ленских приисках...

Товарищи, покуда существует царский режим, вы не гарантированы, что завтра не повторится такая же бойня на любом заводе, на любой фабрике. Вдумайтесь только.

Ваша жизнь находится в руках кучки воров и грабителей, которые зовутся капиталистами, эксплоататорами, ваша жизнь находится в руках кучки палачей и вешателей, которые зовутся правительством Николая II. Довольно! Надо устранить эту мерзость и сволочь из жизни. Объединяйтесь же, товарищи, соберите свои разрозненные силы, организуйте профессиональные союзы, клубы рабочих, вступайте в члены РСДРП, ибо только она — истинная рабочая партия. Готовьтесь к великой борьбе, к борьбе, которая освободит вас от черных костистых лап самодержавия. Уж близок час: вторая русская революция за плечами...

Пусть эта резня образумит вас и выжжет в ваших сердцах один лозунг, один девиз: Долой царский режим! Да здравствует вторая русская революция! Да здравствует РСДРП!

Группа социал-демократов.

По призыву партии большевиков начались массовые рабочие протесты, забастовки и демонстрации.

Одни забастовки протеста против Ленского расстрела, насчитывали до 300 тыс. участников. А общее число забастовавших за весь 1912 г. поднялось выше 1,5 млн., т. е. значительно превысило забастовочное движение 1906 г.

Уже в номере «Звезды» от 8 апреля появились протесты рабочих Балтийского завода, печатни Яковлева, наборщиков типографии Берелина.

Балтийцы в своем протесте писали:

«Мы, служащие Балтийского завода, не можем молчать, не можем пройти мимо гнусной расправы при помощи штыков для набивания и теперь уже туго набитых карманов господ промышленников. Мы протестуем, но знаем, что наш протест не найдет отклика у большинства III Думы, а потому обращаемся к пролетариату России с призывом добиваться свободы собраний, стачек, слова, коалиций, отмены смертной казни и третьеиюньского закона».

Группы латышей Петербургской стороны:

«Вспоминая пролитую кровь, а также слезы оставшихся жен и детей, всеми силами будем бороться за первое дело создать сильные и сплоченные организации по всей России».

Завода Осипова в Петербурге:

«Вместе с расстрелом ленских рабочих расстреляны и наши груди. В таком грубом издевательстве над рабочим классом мы, рабочие, обвиняем не только местных палачей, но и весь современный строй, и в частности господствующее большинство Государственной думы».

Трубопрокатного завода в Петербурге:

«Мы находим, что только организованная борьба рабочего может положить конец ленским бойням».

Фабрики Я. Беккер:

«Мы, рабочие фабрики Беккер, не можем и не должны обойти молчанием зверскую расправу, учиненную над беззащитной и мирной толпой наших братьев на Ленских приисках, требовавших улучшения своей, в буквальном смысле, каторжной жизни, и безжалостно расстрелянных в жертву ненасытному капиталу, требующему все новых и новых жертв. Ни слезы, ни протесты не помогут нам. Только организованная массовая борьба избавит нас от получения вместо хлеба пули, вместо свободы — преждевременной могилы. Вечная память товарищам, погибшим за общенародное дело!»

Ватноткацкой фабрики Кожевникова:

«Ничто нам не поможет, ни слезы, ни протесты, а только организованная массовая борьба».

Группы рабочих из Нахичевани на/Дону:

«Мы знаем, что гнусное насилие капитала над трудом как было, так и будет, пока мы не сплотимся».

Рабочие Южнорусского чугунолитейного и вагоностроительного завода просят передать ленцам:

«... постигшее их горе — наше общее горе, что их враги — наши враги. Придет день, дорого нам заплатят враги наши за все причиненные нам беды, а этот день уже недалек».

Днепровского завода Млощевского:

«Это наша грудь, грудь всего рабочего класса, прострелена в далекой сибирской тайге».

Группы булочников Городского района в С.-Петербурге:

«Кровавый кошмар на Лене еще глубже вырыл пропасть между правительством и рабочим классом» (135 подписей).

«Не только со всех заводов С.-Петербурга, но и со всех концов России полетели по телеграфу известия о резолюциях и забастовках протеста: из Киева, Николаева, Кадиевки, Томской губернии, Саратова, Одессы, Херсона, Екатеринослава, Риги, Гельсингфорса, Вильны, Юзовки, Киренска, Нахичевани, Архангельска, Нижнего-Новгорода, Хабаровска, Сосновиц, Варшавы, Белостока, Юрьева, Вологды, Бобруйска, Баку, Самары, Ростова-на-Дону, Луганска, Сормова и других городов.

В Москве забастовки протеста приняли форму перекатывающейся волны: сегодня бастуют одни, завтра — другие. Забастовки захватывали здесь самые крупные предприятия, преимущественно металлургические: завод Гужона, Бромлея, Густава Листа и др., а также Мытищинский вагоностроительный завод. Забастовки проходили дружно и превращались в митинги и демонстрации. Почти везде отчислялся однодневный заработок в пользу семейств ленцев.

В С.-Петербурге, кажется, не было предприятия, рабочие которого не выразили бы протеста в той или иной форме. Забастовка сплошь и рядом стихийно превращалась в уличную демонстрацию с пением: «Вы жертвою пали» — и с красным знаменем. Иногда демонстрации предшествовал митинг (массовка)» [1].

Запрос социал-демократической фракции о Ленском расстреле, оглашенный на заседании Государственной думы от 9 апреля 1912 г.

29 февраля на Ленских приисках вспыхнула стачка 6 тыс. рабочих. Условия труда на приисках, по свидетельству официальных источников, были весьма неудовлетворительны.

Рабочие страдали кроме того от низкой заработной платы, плохой пищи, поставщиком которой была администрация, дурных жилищных условий казарм, предоставленных рабочим той же администрацией, грубого обращения и т. д.

Особенно важно было ограничение, вопреки закону о найме, права рабочих на судебную защиту. Рабочие по договору с администрацией приисков не имели права возбуждать против нее судебных исков... (Затем в запросе перечисляются главнейшие требования рабочих, и запрос продолжается далее.)

---

[1] Приведенный текст взят из работы М. Ольминского. Общий очерк. Из эпохи «Звезды» и «Правды».

Требования рабочих непосредственно свидетельствуют о нарушении администрацией приисков законов об охране труда...

Наконец особенно пугающее воображение требование восьмичасового рабочего дня, взятое из программы социал-демократической партии, во-первых, осуществлено уже в целом ряде предприятий (в том числе и казенных), во-вторых, наш закон устанавливает максимальную продолжительность рабочего дня, не воспрещая дальнейшее сокращение ее до любых размеров по взаимному соглашению сторон.

Справедливость требований рабочих была настолько очевидна, что чины горного надзора, на обязанности которых лежит улаживание конфликтов, вели переговоры с рабочими именно в пределах этих требований. Вместе с тем губернское присутствие признало жалобы рабочих основательными и заслуживающими удовлетворения...

В течение целого месяца стачка протекала совершенно мирно несмотря на разношерстный состав приискового населения. Спокойное поведение и выдержанность его следует отнести исключительно за счет деятельности избранной рабочей комиссии. Никаких насильственных действий со стороны рабочих проявлено не было... Одним словом, для применения экстренных мер и усмирения рабочих военной силой никаких оснований не было.

Тем не менее 29 марта общее командование усиленным военным отрядом было вручено специально командированному жандармскому офицеру Трещенкову, известному, по сообщению газет, прошлой провокаторской деятельностью.

Становится очевидным, что, стремясь к скорейшему прекращению забастовки, Ленское товарищество, в делах которого заинтересован ряд крупных капиталистов и высокопоставленных лиц, решило совместно с правительственными агентами подавить забастовку военной силой... (И далее, рисуя арест выборных и расстрел рабочих, запрос кончает.)

В угоду кучке алчных капиталистов, строящих свое благосостояние на азартной биржевой спекуляции, принесены интересы тысяч рабочих. В интересах предпринимателей сотни семейств лишены кормильцев, сотни детей лишены отцов, жены — мужей.

На далеких приисках совместными усилиями правительства и предпринимателей вырыты сотни могил, и к ним обращены теперь взоры всего рабочего класса. И от имени всего рабочего класса России мы констатируем следующее:

Указом 2 декабря 1905 г. за рабочими признано право стачек.

Наказуются лишь забастовки в предприятиях, имеющих государственное или общественное значение. Между тем волей местных агентов правительства, причисляющих к таковым

и золотопромышленность, право ленских рабочих на стачку уничтожено.

Кровавая ленская трагедия является одним из более ярких выражений общей правительственной политики. Правительство вновь возвращается к старым испытанным приемам борьбы. Вновь повторяются златоустовская, домбровская и иные бойни, повторяется день 9 января.

Простые меры в виде высылки, арестов, преследования печати и союзов, очевидно признаны недостаточными. И в ответ на требование свободы стачек, союзов, собраний правительство и капиталисты ответили горячим свинцом.

Ввиду всего вышеизложенного мы предлагаем Государственной думе принять следующий запрос:

1. Известно ли председателю совета министров и министру внутренних дел, что 4 апреля 1912 г. на приисках Ленского золотопромышленного товарищества за участие в экономической стачке, во время переговоров с чинами горного надзора, произведен расстрел рабочих, причем убито 270, включая и умерших от ран, и ранено 250?

2. Если известно то, что намерено предпринять правительство для выяснения истинных виновников бойни и привлечения их к законной ответственности, а также для предотвращения на будущее время подобных кровавых расправ с бастующими рабочими?»

В ответ на запросы в Государственной думе по поводу Ленских событий министр внутренних дел Макаров с беззастенчивым цинизмом рассказывает, что расстрел произошел потому, что толпа рабочих, подстрекаемая агитаторами, напала на войска.

Он договорился до того, что толпа якобы силой удержала Тульчинского в своих рядах и после первого залпа бросилась на солдат с криками «ура»...

Ответ министра внутренних дел Макарова на запросы. Заседание 11 апреля 1912 г.

... Тульчинский бросился к толпе с уговорами. Подан был сигнал (трубой). Толпа остановилась на несколько мгновений, окружила Тульчинского, но тотчас же двинулась с криками: «Вперед!» Положение было столь опасное, что через минуту войска были бы смяты, и солдаты, всего 110 человек без резерва, волновались, требуя распорядиться стрелять, боясь натиска. Тульчинский, силой удержанный рабочими,

остался под выстрелами, а стражник Титов, бросившийся еще раньше к толпе с уговорами, также был задержан ею и получил рану в ногу. После первого залпа толпа легла, но сейчас же вскочила с криками «ура», бросилась к солдатам, ввиду чего было дано три залпа, остановивших это наступление. На месте толпа оставила принесенные кирпичи, колья и палки. Вот как рисуется событие 4 апреля:

Цель скопища 4 апреля была захватить оружие солдат, смять их и разгромить прииски.

Согласитесь, господа члены Государственной думы, что такие действия совершенно недопустимы. Воин и оружие нераздельны: потеря оружия — позор для воина...

Когда, потерявшая рассудок под влиянием злостных агитаторов, толпа набрасывается на войско, тогда войску ничего другого не остается делать, как стрелять. Так было и так будет впредь. (Кузнецов (с места): «Пока вы у власти». Голос (слева): «Кровопийцы!» Рукоплескания справа. Шум.)

Из речи социал-демократического депутата Покровского на заседании от 11 апреля 1912 г.

Господа! Предложение гг. октябристов или формула перехода [1] называет объяснения министра внутренних дел Макарова неудовлетворительными, а мы называем и почитаем их возмутительными и отвратительными. (Новицкий II, с места: Вы нам отвратительны). Мы думаем, что это не только наша оценка, а прежде всего оценка всего русского пролетариата, который мы здесь представляем...

Мы... с негодованием отвергаем ваше предложение, как злонамеренное предложение, мы требуем предложения свободного обсуждения объяснений г. министра внутренних дел Макарова, потому что надо дать возможность высказаться, вылиться общественному негодованию до конца. Надо дать почувствовать, гг., что такие выступления с речами стоят кровавых выступлений и даром проходить не должны, и если «господа в министерских мундирах» позволяют себе всенародно с этой трибуны делать дикие выкрики, что «мы стреляли и будем стрелять», то на волчью пасть таких господ общественное мнение и народное представительство не только может, но и обязано надеть надлежащий собачий намордник. (Рукоплескания слева; шум справа.)

---

[1] Предложение перейти к обсуждению других дел.

VIII. Ленин и Сталин о Ленских событиях.

В. И. Ленин о Ленском расстреле.

Ленский расстрел явился точнейшим отражением всего режима третьеиюньской монархии. Вовсе не борьба за одно из прав, хотя самых кардинальных, самых важных для пролетариата, характерны для ленских событий, харатерно вступление провокатора, шпиона, охранника, слуги царя на путь массовых расстрелов без всяких политических поводов. Именно это общее бесправие русской жизни, именно безнадежность и невозможность борьбы за отдельные права, именно эта неисправимость царской монархии и всего ее режима выступили из Ленских событий так ярко, что зажгли массы революционным огнем.

(Ленин, т. XV, стр. 534.)

Приветствие ленским рабочим т. Сталина.

Апрельский расстрел ленских рабочих 15 лет назад был одним из самых кровавых злодеяний царского самодержавия. Отважная борьба, павших в далекой тайге от царских пуль товарищей, не забыта победившим пролетариатом. Оглядываясь на пройденный путь, рабочие Союза могут сказать: ни одна капля рабочей крови бодайбинцев не пропала даром, ибо враги пролетариата получили возмездие, а пролетариат уже добился своей победы над ними. Ныне, свободные от царского и капиталистического гнета, на берегах Витима, Вы имеете возможность добывать золото не для обогащения тунеядцев, а для укрепления мощи первого в мире *своего* рабочего государства. Честь и слава павшим в борьбе за победу рабочего класса!

Приветствуя вас, дорогие товарищи, в этот день воспоминаний о героической борьбе павших товарищей, позвольте выразить уверенность в том, что вы твердо и неуклонно будете продолжать дело дальнейшей борьбы за полное торжество победы социализма в нашей стране.

(«Ленский шахтер» № 8, стр. 2, 17 (4) апреля 1927 г.)

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие	2
Введение	3
I. Хозяева Ленских приисков	8
II. Положение рабочих на приисках	11
III. Стачка и ее организация	25
IV. Как администрация «Лензото», жандармы, министры и царские чиновники срывали забастовку	40
V. Аресты выборных и расстрел рабочих	53
VI. Демонстративный уход ленских рабочих с приисков	75
VII. Значение Ленских событий	80
VIII. Ленин и Сталин о Ленских событиях	88

Сдано в производство 28/III 1932 г.
Подписано к печати II/IV 1932 г.
Редактор В. Слуцкая.
Технический редактор А. Лавров.
Уполномоченный Главлита В-25324.
Партиздат 240. Зак. 957. Тир. 10 000 экз.
Формат бумаги 82 × 111 см. 41 500 знаков в печатном листе, 6 листов.
Первая типография Огиза РСФСР «Образцовая». Москва, Валовая, 28.

60 коп.

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕЧАТАЮТСЯ:

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ КОМАКАДЕМИИ

РАБОТНИЦА НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТРОЙКЕ

СБОРНИК АВТОБИОГРАФИЙ РАБОТНИЦ-УДАРНИЦ
Под редакцией ЧААДАЕВОЙ

ТОКИН И.

ЛЕНИН ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

В. ВЛАДИМИРОВА

ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ

ц. 30 к. 56 стр.

ПАМЯТИ МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА ПОКРОВСКОГО

(СБОРНИК СТАТЕЙ И РЕЧЕЙ)

ц. 40 к. 80 стр.

Москва, центр, Кузнецкий мост, 7.